



ГЕРБЕРТ ФЕЙС

■
ЧЕРЧИЛЬ
РУЗВЕЛЬТ
СТАЛИН



ВОЙНА, КОТОРУЮ ОНИ ВЕЛИ,
И МИР, КОТОРОГО ОНИ ДОБИЛИСЬ

Герберт Фейс

**Черчилль. Рузвельт. Сталин.
Война, которую они вели, и
мир, которого они добились**

«Центрполиграф»

Фейс Г.

Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Г. Фейс — «Центрполиграф»,

Всеобъемлющее собрание документальной хроники отражает роль лидеров ведущих мировых держав в процессе формирования и деятельности антигитлеровской коалиции с января 1942-го по май 1945 года. Огромный массив официальных документов, умело подобранный исторический материал, воспоминания, дневники и личная переписка Черчилля, Рузвельта, Сталина и их окружения, малоизвестные факты об антигитлеровской коалиции, тонкий психологический анализ личностей лидеров ушедшей эпохи делают издание поистине уникальным.

© Фейс Г.

© Центрполиграф

Содержание

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД	5
ВТОРОЙ ПЕРИОД	27
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Герберт Фейс

Черчилль. Рузвельт. Сталин

Война, которую они вели, и мир, которого они добились

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Январь 1942 года: необходимость объединения

Формирование военной коалиции

У историка, изучающего проблемы мира и войны, создается впечатление, что он находится на борту судна,двигающегося вдоль берега, на котором представлены в прямой последовательности исторические события – от тех, что уже произошли, к тем, что происходят в настоящее время и произойдут в будущем. Перед ним разворачивается некая панорама: переход из мирного состояния в состояние войны, ход военных действий, а затем – переход из состояния войны в состояние мира, с выработкой условий по поддержанию достигнутого мира.

На самом же деле историческая картина не так проста и вовсе не линейна.

1 января 1942 года, день подписания в Вашингтоне совместного договора, может считаться днем официального создания антигитлеровской коалиции. Обратим свой взгляд в прошлое, чтобы понять, чем было обусловлено это событие.

В сентябре 1939 года, после позорной попытки уклониться от тяжелого испытания, Великобритания и Франция вступили в войну против национал-социалистской Германии. Они были шокированы грубостью и жестокостью Гитлера, но тем не менее Британия не спешила осуждать поведение Германии, поскольку была в какой-то мере ответственна за неустойчивые условия Версальского соглашения, а Франции просто было не до того; она была измучена последней войной и внутренними разногласиями. Длительное время обе державы надеялись, что их дипломатам удастся достигнуть соглашения с Гитлером и в конечном итоге разработать хитроумную комбинацию, которая поможет обуздать его. Их дальнейшие рассуждения строились на уверенности, что даже если Гитлер начнет наступление, то на Восток, и Советский Союз первым подвергнется нападению.

С ведома советского правительства нацистская армия двинулась на восток, в Польшу. Это потрясло Британию и Францию: так вот какова цена прежнего согласия! Оказавшись в положении Польши, они были вынуждены защищать свою историческую территорию собственными силами и вступили в войну. Их решение было продиктовано чувством национальной гордости, к которому примешивалось презрение к врагу. Но фактически декларировалась одна единственная причина: Германия и ее партнеры содействуют установлению неприемлемого порядка. Целью образования коалиции на начальном этапе был разгром Германии и Италии, если та выступает союзником Германии. Единственное, что требовалось от предполагаемых союзников, так это готовность следовать к намеченной цели.

Впоследствии появятся другие девизы и мотивации: одни, памятуя о результатах Первой мировой войны, поведут народы на борьбу с этим злом, другие будут исходить из желания защиты от возможных будущих нападений или иметь в виду упрочение могущества и извлечение экономической выгоды. Тем не менее все они рассматривались как средства для предот-

вращения будущих войн, для создания прочного мира. Все они были порождением войны и, с одной стороны, подчинены военным нуждам, реальным или воображаемым, а с другой – временами использовались для решения конкретных политических задач.

Советский Союз еще более неохотно, чем Британия и Франция, вступил в войну. Советские дипломаты время от времени выражали желание принять участие в совместных действиях по обузданию Германии и Италии, но правительства западноевропейских стран не стремились к подобному объединению. Вот что заявил британский премьер-министр Чемберлен в своем выступлении 26 марта 1939 года: «Признаться, я с глубоким недоверием отношусь к России. У меня нет никакой уверенности в ее способности вести эффективное наступление, даже при сильном желании с ее стороны. У меня вызывают недоверие ее побудительные причины, сильно отличающиеся от наших представлений о свободе».

Запад сильно опасался проникновения коммунистических идей.

К этому времени Мюнхенское соглашение дало возможность Гитлеру, оставив в покое Польшу и Советский Союз, подвергнуть агрессии Чехословакию и разорвать ее на части. Но даже после захвата Праги Чемберлен все еще предпринимал попытки сохранить мирные отношения с Германией. Все сомнения и страхи по поводу того, что Советы могут заключить сделку с Гитлером, отступали перед возможностью избежать конфликта и извлечь выгоду от войны на Западе. Сделка была заключена в августе 1939 года: Пакт о ненападении с секретным протоколом о распределении контроля над большей частью Восточной и Центральной Европы и торговое соглашение.

Согласно договоренности, основная граница проходила от Балтийского до Черного моря. На севере Литва оказывалась за пределами советской сферы влияния. На юге разделительная линия заканчивалась в том месте, где северный рукав дельты Дуная впадал в Черное море, образуя южную границу Бессарабии, входившей в состав России в период с 1812-го по 1917 год, до оккупации Румынией. Правительства этих двух стран не договорились о разделе сфер влияния над южной и юго-западной частью территории, что впоследствии явилось одной из основных причин разногласий между ними.

В качестве дополнения к протоколу от 28 сентября 1939 года была внесена поправка, по которой Литва отходила к Советскому Союзу и корректировалась граница Польши. Решение о разделе Польши впоследствии ляжет в основу советско-польских отношений.

Советское правительство активно добивалось расширения сфер влияния. Вскоре Западная Польша вошла в состав Советского Союза; Балтийские государства, Эстония, Литва и Латвия, постепенно подпали под военное управление России; под угрозой была независимость Финляндии; от Румынии отошли Бессарабия, Буковина и области, прилегающие к Дунаю. Международный контроль над дельтой Дуная был завершён.

В последующие годы Сталин имел обыкновение говорить, что, даже заключая пакт с Гитлером, он прекрасно понимал, что через какое-то время Советский Союз вступит в войну с Германией; что фактически основной причиной такой настойчивости с его стороны было желание получить защитные буферные зоны с западной стороны и выиграть время для укрепления советской армии. Но совершенно ясно, что в то же время ни он, ни его окружение не ожидали молниеносной и окончательной победы Германии над Францией в июне 1940 года и того, что смертельная опасность нависнет над Великобританией. Я убежден, что советские руководители и не предполагали, что в рамках одного года Германия изменит свое отношение и развернется против Советского Союза. Безусловно, они старались, как могли, сохранить хорошие отношения с Гитлером; всячески пытались угодить ему, поддерживали и одобряли развитие нацистской военно-экономической деятельности. Советская пропаганда поддерживала нацистскую Германию перед всем миром. Российское правительство заботилось о том, чтобы Германия получала продовольствие и сырье, в то время как собственное население было вынуждено ограничивать себя во всем; и это несмотря на тот факт, что Германия не выполняла свою часть соглашения.

Правительства Америки и Британии за несколько недель перед тем, как немецкие танки провали русские границы, предупреждали Москву о готовящемся немецком вторжении. Советское правительство проигнорировало эти предостережения. Желание избежать войны с Германией или, по крайней мере, отсрочить ее явственно прозвучало в речи Молотова, министра иностранных дел Советского Союза, на встрече с послом Германии в Москве накануне вторжения. Из записей немецкого посла:

«Ряд факторов свидетельствует о том, что правительство Германии недовольно советским правительством, – преувеличенно униженно начал Молотов. – Даже ходят слухи, что надвигается война между Германией и Советским Союзом. Они основываются на том факте, что Германия никак не отреагировала на заявление ТАСС от 13 июня; оно даже не было опубликовано в Германии. Советское правительство не понимает причин, вызвавших недовольство со стороны Германии. Если югославский вопрос вызвал такую реакцию, то я уверен, что могу прояснить его, тем более что это дело прошлого. Я буду чрезвычайно признателен, если мне предоставят возможность объяснить сложившуюся на сегодня ситуацию в германо-советских отношениях».

Молотов умел одинаково хорошо унижаться и нападать. Удар, однако, был нанесен. Советский Союз должен был искать силы для борьбы за выживание.

Британия и Америка поддерживают Советский Союз

Правительства Британии и Америки решили забыть прошлое и прийти на помощь России. Со стороны Британии это было не более чем проявлением инстинкта самосохранения; а вот Соединенные Штаты действовали строго в соответствии со своей политической линией в части помощи любой стране, воюющей с нацизмом.

В начале апреля 1941 года Черчилль уже не сомневался, что Германия вынашивает планы напасть на Советский Союз, поэтому он возобновил попытки установить своего рода рабочие взаимоотношения с Кремлем. Идеи (министр иностранных дел Великобритании. – *Примеч. ред.*) обратился к советскому послу в Лондоне, Майскому, который уклончиво ответил, что советское правительство не обсуждало с Германией новых соглашений и что концентрация нацистской армии не вызывает у них никакого беспокойства. Черчилля не удовлетворил такой ответ. Он объяснил Майскому, что в случае нападения Германии Британия будет готова оказать Советам всестороннюю помощь. На это Майский заявил, что было бы хорошо, если бы Британия для начала официально признала присоединение Балтийских государств к Советскому Союзу.

Несмотря на равнодушие партнеров, Черчилль, как только русские подверглись нападению Германии, сразу предложил помощь. А до этого, 15 июня 1941 года, он лично обратился к Рузвельту с предложением проведения совместных акций. Согласно всем информационным источникам, сообщил Черчилль Рузвельту, нападение на Россию неизбежно. «Если вспыхнет новая война, мы, конечно, должны будем оказать всемерную поддержку и любую помощь русским, руководствуясь принципом, что Гитлер является врагом, которого мы должны победить. Я не ожидаю никаких политических реакций и уверен, что германо-российский конфликт не вызовет у вас никакого замешательства».

Стремление оказать помощь России вызвало негодование в Государственном департаменте. Бесцеремонность и грубость, с которыми Россия, в период сотрудничества с Германией, предъявляла, как само собой разумеющееся, претензии на наши жизненно важные ресурсы, нанесли обиду американцам; а ее территориальные притязания вызвали тревогу. Тем не менее после нападения Германии Государственный департамент уменьшил ограничения на американский экспорт для Советского Союза. Однако президент, желая добиться большего, стремился объединиться с Черчиллем.

Секретарь Госдепартамента Корделл Хэлл был такого же мнения. В своих мемуарах он пишет, что был болен и находился дома, когда пришло известие о вторжении Германии. Он немедленно позвонил президенту и Уоллесу и сказал следующее: «Мы должны оказать России всемерную помощь». Он написал в своих мемуарах, что во время болезни «...находился в постоянном контакте с президентом и Уоллесом, убеждая их оказать России самую мощную поддержку, на какую мы только способны».

Американского посла в Великобритании, Винанта, находившегося в тот момент в Вашингтоне, попросили сообщить об этом премьер-министру, для чего тот поспешил вернуться в Англию, чтобы успеть 20 июня в Чекере на встречу с Черчиллем, Иденом и сэром Стаффордом Криппсом, британским послом в Советском Союзе. Черчилль, полагая, что наступление находится еще только в стадии подготовки, подготовил заявление, с которым собирался выступить по радио. Впоследствии он рассказывал: «Американский посол, проводивший у меня уик-энд, привез ответ президента на мое письмо, в котором он обещал, что, если немцы нападут на Россию, он немедленно публично поддержит любое заявление премьер-министра в адрес России».

Позже Черчилль объяснил, что у него не было ни малейшего сомнения относительно долга и политической стратегии Британии. Когда его личный секретарь, Колвилл, поинтересовался, не повлияет ли объединение с русскими на «ограничение свободы в Доме Риммона», Черчилль повторил: «Ничуть. У меня единственная цель – уничтожить Гитлера, и тогда мне будет намного проще жить. Если Гитлер попадет в ад, я, по крайней мере, одобрительно отзовусь в палате общин о дьяволе».

Вот выдержки из выступления Черчилля по радио в ночь на 22 июня: «У нас есть одна-единственная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не свернет нас с этого пути. Ничто. Мы никогда не будем вести переговоров, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-нибудь из его банды... мы окажем поддержку любому человеку или государству, которые воюют с нацизмом... и, следовательно, мы окажем любую, какую сможем, помощь России и русским. Мы будем призывать всех наших друзей во всех частях мира выбрать тот же курс и твердо и непоколебимо следовать ему до конца...»

Частично радиообращение Черчилля было опубликовано в «Правде». Но советское правительство не торопилось отвечать на него. Тогда 7 июля премьер-министр опять предпринял инициативу. Он отправил послание Сталину, в котором говорилось, что Британия сделает все, чтобы помочь России, насколько позволят ресурсы Британии. Он предложил устроить встречу с русской делегацией для обсуждения совместных действий. Следом за этим Сталин приступил к переговорам с Криппсом об условиях двух возможных англо-советских соглашений. Одно включало в себя совместные обязательства взаимопомощи и невозможность заключения сепаратного перемирия или мирного договора; 12 июля оно было подписано Молотовым и Криппсом. Сущность второго соглашения составляли политические вопросы; оно осталось в стадии обсуждения.

Через неделю после создания коалиции Черчилль, давний оппонент большевизма, впервые получил личное послание от Сталина, в котором недвусмысленно выдвигалось основное требование со стороны Советского Союза, заключавшееся в создании Британией второй линии фронта – в Северной Франции и в Арктике. Сталин приводил доводы в защиту того, что сейчас самое время для подобного рискованного предприятия, поскольку вся армия Гитлера сконцентрирована на Востоке. Черчилль незамедлительно ответил, что Британия предпримет все возможное, но объяснил, что существуют проблемы, связанные с ограниченностью ресурсов и географическим положением. Все это находится в ведении начальника штаба вооруженных сил, и сейчас нечего и думать об успешности любой крупномасштабной операции на Западе. Он напомнил Сталину о том, что Британия больше года воевала одна, что все имеющиеся в

наличии сухопутные и воздушные ресурсы были задействованы в сражениях на собственной территории и на Ближнем Востоке, а сражения в Атлантике и транспортные конвои израсходовали все имеющиеся у Британии морские ресурсы. Следовательно, закончил Черчилль, ближайшей реальной операцией может быть данное силами авиации и флота Британии сражение на Севере с германским флотом.

Одновременно Британия делала все возможное для выделения самолетов Советскому Союзу; частично из собственных ресурсов, частично из ресурсов Соединенных Штатов. Кроме того, в экстренном порядке британцы увеличили производство предметов первой необходимости и сырья, предназначенных для Советского Союза. таких, как обувь, резина, каучук, олово, шерсть.

В этой ситуации первоочередное значение приобрели потребности, связанные с войной. Если Россия, пока Соединенные Штаты будут пребывать в нерешительности, падет, Британской империи вряд ли удастся удержаться под напором врага. Но в Лондоне считали, что сейчас не время задавать вопросы или ставить условия. Не имеет значения, какие трудности в дальнейшем будут связаны с победой Советов, они едва ли будут сравнимы с огромной угрозой, которая может нависнуть над Британией: нападение с воздуха, оккупация, голодная смерть и, возможно, крах империи.

Перед Соединенными Штатами не стояли столь трагические перспективы, поэтому американское правительство уделяло больше времени обсуждению, в какой мере и на каких условиях лучше выполнить данное президентом обещание в части содействия советской обороне. Но, даже испытывая готовность оказать помощь и игнорируя внутреннее противостояние, вопрос было решить не так-то просто.

К июню-июлю 1941 года Соединенные Штаты согласились с доводами Британии (как и воюющие Франция, Голландия, Бельгия, Югославия и Польша). Это дало возможность сосредоточить силы не только в Соединенном Королевстве и на морях, но и в таких отдаленных районах, как Ближний Восток. Мы поставляли оружие с учетом местоположения точек, где оно было особенно необходимо. Для этого американское правительство взяло на себя патрулирование маршрутов доставки, ежедневно подвергая опасности участников операции. Американские части приняли у Британии контрольный пост в Северной Атлантике и в Исландии. Ближайшие планы предусматривали расширение масштабов операций, связанных с конвоем, и получение у конгресса разрешения на заход американских торговых кораблей в зоны боевых действий. Но тогда Рузвельт еще не принял решения относительно подобных мероприятий, даже несмотря на то, что военные советники убеждали его в необходимости поддержки Британии. Массовое недовольство вполне могло перерасти в серьезный конфликт.

Одновременно американское правительство пыталось путем убеждения и нажима воспрепятствовать возможному нападению со стороны Японии. Государственный секретарь Соединенных Штатов Хэлл и японский посол в Вашингтоне Номура в апреле-мае начали серию переговоров о путях ослабления растущей напряженности. Хэлл не особенно верил, но, по крайней мере, надеялся на возможность максимально отсрочить решение вопроса с помощью силы. В ходе ведения переговоров не наблюдалось никакого прогресса, и в июле поступили новые предупредительные сигналы о том, что Япония готовит удар в южном направлении. Эта угроза в Тихом океане занимала все мысли президента и военных советников, поэтому они обсуждали вопрос, насколько быстро следует входить в англо-советскую коалицию.

Несмотря на опасность со стороны Тихого океана, на принятие Америкой решения оказывало влияние одно неумолимое соображение: в случае быстрого и окончательного разгрома России Великобритания, а за ней и Соединенные Штаты окажутся лицом к лицу с более сильным и крайне самонадеянным противником. Подобное соображение объясняет, почему в основе первых официальных документов лежала уверенность в том, что Россия не будет долго

сопротивляться и этот короткий промежуток времени следует использовать наиболее продуктивно для подготовки к войне.

Эту информацию удачно иллюстрируют записки, которые президент получал от военных министров, а те, в свою очередь, от военных специалистов соответствующих ведомств. Взять хотя бы первое сообщение Симпсона от 23 июня, в котором, по сути, говорилось следующее:

1. Действия Германии сильно напоминают ниспосланные свыше события.
2. Минимум за месяц, а максимум за три немцы полностью уничтожат Советский Союз.
3. Это время следует активно использовать для форсирования действий в Атлантике.

«Окончательным доказательством устремлений и вероломства нацистов служит широко открытая для Вас (президента) дверь, ведущая прямо к победному сражению на Северной Атлантике и защите нашей зоны в Южной Атлантике...»

В письме Кнокса, министра военно-морских сил, написанном в тот же день, говорилось:

«Гитлер уничтожит Россию за период от шести недель до двух месяцев; по моим предположениям, это самое большее, на что можно рассчитывать. Мне кажется, нам не следует упускать время, а стоит нанести серьезный удар, причем чем раньше, тем лучше».

Президент действовал крайне осмотрительно. Он предоставил возможность Уоллесу, исполняющему обязанности государственного секретаря, 23 июня, на следующий день после нападения Германии на Россию, подготовить почву для дальнейших действий. С этой целью прессе было сообщено: «По мнению правительства, любое противостояние гитлеризму, любое антигитлеровское объединение сил, вне зависимости от источника их происхождения, только ускорят окончательное уничтожение нынешних немецких лидеров и, следовательно, будут способствовать нашей собственной защите и безопасности». На следующий день в речи президента прозвучали небольшие уточнения, правда весьма незначительные. Советские денежные вклады в Соединенных Штатах размораживались, чтобы дать возможность советскому правительству производить закупку оружия. На пресс-конференции президент, говоря о том, что готов оказывать помощь России, добавил, что не знает, в чем именно нуждаются русские; фактически советскому правительству предлагалось сообщить, что им больше всего требуется. Несмотря на предпринятые журналистами попытки, президент уклонился от обсуждения собственных действий и предполагаемых деталей будущих шагов. На вопрос «является ли защита России защитой Соединенных Штатов?» президент предложил журналисту задать, к примеру, вопрос: «Сколько лет Энн?»

Через два дня после пресс-конференции, 26 июня, Уоллес сообщил решение Белого дома: закон о нейтралитете на Советский Союз распространяться не будет. А это означало, что мы сможем входить в русские порты, в частности во Владивосток.

В течение следующих двух недель советское правительство представило на рассмотрение перечень самого необходимого через Уманского, советского посла в Вашингтоне. Перечень, объем которого, приближающийся к двум миллионам долларов, включал такие пункты, как три тысячи самолетов-истребителей и три тысячи бомбардировщиков, был признан немыслимо огромным всеми департаментами.

Пока американское правительство изучало представленный на рассмотрение документ, 12 июля, как упоминалось ранее, британское и советское правительства подписали совместный договор о взаимной помощи и поддержке. На следующий день, 13 июля, когда на Восточном фронте уже третью неделю шли бои, Гарри Гопкинс (советник и специальный помощник президента Рузвельта во время Второй мировой войны. – *Примеч. ред.*) отправился в Англию для обсуждения с Черчиллем и его советниками вопросов, связанных с поставками, и выработки стратегии.

В Лондоне у Гопкинса появилась слабая надежда на то, что советская армия сможет продержаться до зимы. Черчилля поразил тот факт, что, в то время как Британия была убеждена в необходимости проведения крупной военной акции, Сталин никак не выказывал своей невероятной зависимости от предлагаемой помощи; казалось, что его больше интересуют вопросы, связанные с границами и разделом сфер влияния после окончания войны, нежели что-то иное. Но об этом мы еще поговорим чуть позже.

На протяжении этого времени Рузвельт предпринимал энергичные шаги, связанные с поставкой оружия воюющей России. В несвойственной ему манере президент отдал распоряжение своей администрации, чтобы просьба русских была немедленно рассмотрена, и в течение сорока восьми часов был составлен и отправлен перечень с теми позициями, по которым может быть оказана помощь. Он лично проследил за выполнением этих распоряжений. Несмотря на противодействие со стороны армии и флота и неуверенность, царящую внутри Госдепартамента, с помощью своих сторонников Рузвельт добился передачи на заводы первого перечня заказов. Правительства Советского Союза и Британии были в курсе этих экстренных мер, и Гопкинс, находясь в Лондоне, мог рассчитывать на продолжение этих действий.

В связи с неопределенностью положения на Восточном фронте Гопкинс имел все основания полагать, что переговоры с Британией относительно совместных действий в Атлантике и на Ближнем Востоке приведут к принятию конкретных решений. Он решил, что должен срочно отправиться из Лондона в Москву, чтобы попытаться на месте подробнее выяснить потребности русских и их взгляды на будущее. 25 июля Гопкинс отправил президенту сообщение: «У меня ощущение, что должно быть сделано все возможное и, даже если они потерпят поражение в ближайшем бою, для придания им уверенности мы должны открыть второй фронт. Я думаю, что в такой критический момент если что и может оказать влияние на Сталина, так это непосредственное общение между вами через личного представителя».

Президент немедленно санкционировал поездку Гопкинса в Москву, где тот должен был передать личное послание Сталину, в котором подтверждалась наша готовность оказать поддержку русским. Рузвельт не меньше, чем Черчилль, думал в то время о том, что русским необходимо продолжать борьбу.

30 июля Гопкинс прибыл в Москву; в этот же день российское и находящееся в изгнании польское правительства подписали союзный договор. Гопкинс с первой беседы отметил особую манеру Сталина в ведении переговоров. «Я передал ему (Сталину) убежденность президента в том, что наиважнейшим вопросом на сегодня является разгром Гитлера и гитлеризма во всем мире. Я убеждал его, что наш президент и правительство полны решимости в самое ближайшее время оказать посильную помощь Советскому Союзу».

Сталина, безусловно, порадовало это сообщение, после чего Гопкинс предложил ему сообщить, чем Соединенные Штаты могут помочь в первую очередь, а что потребуется в дальнейшем в течение всей войны.

Во время второй беседы, состоявшейся 31 июля, Сталин, отвечая на просьбу Гопкинса о том, что президент с нетерпением ждет возможности ознакомиться с точкой зрения Сталина на войну между Германией и Россией, полностью обрисовал сложившуюся ситуацию и перспективы. Как Гопкинс сообщил президенту, Сталин неоднократно повторял, что он трезво оценивает немецкую армию: она высоко организована, немцы имеют большие запасы продовольствия, топлива, людские резервы, достаточные для проведения зимней кампании. Но «он (Сталин) уверен, что в течение зимних месяцев линия фронта будет отстоять от Москвы, Киева и Ленинграда, вероятно, почти на том же расстоянии, что и сейчас». Кроме того, Сталин был уверен, что советская армия сможет разгромить немцев еще до наступления зимы. Но ход сражения, кроме того, будет «в большой степени зависеть от возможности подойти к весенней кампании с достаточным количеством вооружения, особенно самолетов, танков и зениток». Прежде чем закончить беседу, Сталин пояснил Гопкинсу, что следует сообщить президенту,

«... что я уверен в неизбежности схватки Соединенных Штатов с Гитлером на каком-нибудь поле сражения. Мощь Германии столь велика, что, несмотря на то что Россия в состоянии защитить себя, даже совместными усилиями Англии и России будет трудно сокрушить немецкую военную машину. Только одно может уничтожить Гитлера, и, вероятно, даже без боя – это объявление о вступлении Соединенных Штатов в войну с Германией. Я, однако, уверен в том, что война будет жестокой и долгой; что, если американцы вступят в войну, американский народ будет настаивать на схватке своей армии с немецкими солдатами». Сталин хотел, чтобы Гопкинс передал президенту, что он будет рад американским войскам в любой части российского фронта.

Гопкинс сообщил Сталину, что правительства Соединенных Штатов и Великобритании сделают все возможное, чтобы в течение ближайших недель отправить в Россию самое необходимое. Но он подчеркнул, что в этот период будут поставлены только уже готовые изделия, и Сталин должен понимать, что, вероятно, даже эти поставки не смогут оказаться на передовой до наступления холодов. Гопкинс всячески убеждал Сталина в необходимости начать переговоры по поводу долгосрочных совместных планов, поскольку американскому и британскому правительствам необходимо учесть все потребности России. Правда, добавил Гопкинс, они не сумеют отправить тяжелое пехотное оружие «до тех пор, пока не будет проведена конференция трех наших правительств, где были бы совместно рассмотрены и решены не только вопросы стратегии всех фронтов, но и интересы каждой отдельной страны». Сталин заявил, что поддерживает проведение подобной конференции.

Гопкинс был в восторге от этих переговоров. Ему нравилась твердость Сталина, исчерпывающая откровенность и умение принимать решения. Его потрясла уверенность, с которой русские собирались сражаться; подтверждением тому служил перечень требований российской стороны. 1 августа Гопкинс отправил президенту краткий отчет: «Я чувствую крайнюю необходимость в создании этого фронта... У них просто невероятная решимость победить...» Позже, описывая визит Гопкинса в Москву, Роберт Шервуд назвал его «...поворотным пунктом в отношениях военного времени между Британией, Соединенными Штатами и Советским Союзом». Думаю, что скорее это была «роковая черта». В отчетах Гопкинс указывал на непоколебимую уверенность Сталина и передавал слова благодарности в адрес Рузвельта и американцев, уже заложивших прочную основу в отношениях. Американское правительство, ранее возражавшее против обязательств в части любых поставок в адрес Советского Союза, 2 августа официально приняло на себя эти обязательства. В ноте, направленной советскому правительству, в частности, говорилось:

«... Правительство Соединенных Штатов решило предоставить всю возможную экономическую помощь в целях упрочения положения Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии».

Гопкинс в спешном порядке покинул Москву и вернулся в Англию, чтобы успеть на военный корабль, который должен был взять его на борт и вместе с Черчиллем доставить на Ньюфаундленд для встречи с Рузвельтом. К моменту переговоров, происходивших с 9 по 12 августа 1941 года, Советский Союз воевал уже шесть недель. Черчилль и Рузвельт ранее вынесли представление из докладов Гопкинса, что русские смогут продержаться до зимы, а это даст Советскому Союзу возможность восстановить армию, укрепить оборонительные позиции, полностью эвакуировать военную индустрию, увеличить производство вооружения и лучше оснастить армию. Сталин однажды выразил надежду, что Британия высадится в Западной Европе. Черчилль ответил, что это невыполнимо. Росло ощущение необходимости убедить советское правительство в том, что поддержка со стороны Британии и Соединенных Штатов касается не просто кризисной ситуации, а рассчитана на продолжительный период. Во время совещания, проходившего в заливе Арджентия, Рузвельт с Черчиллем решили (в развитие идеи Гопкинса)

отправить в Москву совместную миссию для всестороннего обсуждения программы дальнейших поставок в Советский Союз, о чем известили письмом Сталина.

Сталин одобрил это предложение. Черчилль сообщил Рузвельту, что пошлет в Москву лорда Бивербрука. Было бы естественным направить в Москву Гопкинса, который взял на себя контроль за распределением военных поставок, но ему не позволило состояние здоровья. Президент решил отправить В. Арвелла Гарримана, отвечающего за военные поставки в Лондоне. У Гарримана к этому времени были теплые взаимоотношения с Черчиллем и многими руководителями британских военных структур и большой опыт в разработке методов по оказанию помощи.

Сразу же по возвращении в Вашингтон президент приступил к решению непростого вопроса, связанного с отправкой в Москву партии товаров, удовлетворяющих требованиям советской стороны. Позиция президента отчетливо просматривается в письме от 30 августа, направленном военному министру Стимсону: «Я считаю, что все необходимые для России военные поставки, причем не только в ближайшее время, но и в течение всего периода, пока она сражается с державами Оси, имеют первостепенное значение для безопасности и защиты Америки. Я убежден, что на предложенной конференции Великобритания и Соединенные Штаты должны связать себя с Россией прочными и всеобъемлющими обязательствами».

Одновременно президент попросил предоставить полные оценочные данные, связанные с производством наиболее важных изделий, необходимых для победы; программа производства была составлена с учетом приоритетности изготовления.

К этому времени военные круги Америки изменили свое мнение относительно обороноспособности русских и преимуществ, связанных с поддержкой России. К примеру, в сообщении Объединенного комитета армии и флота, направленном 25 сентября в Белый дом, говорилось: «Поддержание активности на русском фронте дает наилучшую возможность для наступления, поскольку только Россия обладает достаточной численностью личного состава вооруженных сил, расположенных в наибольшей близости к центру германской армии. Более всего Россия нуждается в военно-воздушных и сухопутных силах. Какие-либо прогнозы относительно исхода войны в России преждевременны».

Однако президент соблюдал осторожность, опасаясь вызвать споры в отношении будущей помощи коммунистической России. Он со дня на день откладывал рассмотрение этого вопроса, вырабатывая стратегию, и, прежде чем поднимать вопрос о ленд-лизе для России, хотел быть уверенным в том, что конгресс не сможет отказать в необходимых ассигнованиях. В попытке расчистить путь он старался убедить Сталина одобрительно высказаться относительно свободы религии; это могло нейтрализовать католическую оппозицию.

Тем временем британское правительство продолжало выработку мер, связанных с производством и поставкой вооружения, необходимого России для ведения боевых действий. Работа продолжалась, несмотря на то что в этот период между британским и советским правительствами шел резкий обмен мнениями. По словам Черчилля, Сталин оказался «грубым, злобным, жадным и в последнее время совершенно равнодушен к проблеме нашего существования».

Послания Черчилля, живописующие усилия британского правительства по оказанию помощи России, вызывали только недовольство со стороны Сталина. Оптимизм, отличавший беседы Сталина с Гопкинсом, быстро таял; все труднее было противостоять германской агрессии. Сталин, пренебрегая опасностью с Дальнего Востока, со стороны Японии, фактически высмеивал все действия Британии в борьбе против Германии. Он прямо говорил об этом в послании к Черчиллю от 4 сентября: немцы беспрепятственно дошли до Восточного фронта, и единственное, что могло спасти положение, это создание в течение 1941 года второго фронта во Франции или на Балканах. Сталин требовал, чтобы Британия отвлекла от Востока порядка

тридцати – сорока германских дивизий. Это требование, повторяемое снова и снова, звучало диссонансом в основной теме коалиции.

Майский, передавая это послание Черчиллю, вел себя настолько непозволительно, что премьер-министр был вынужден его одернуть.

На следующий день Черчилль конфиденциально сообщил Рузвельту, что, хотя во время беседы Майский ни словом не обмолвился о возможности сепаратных соглашений, у него создалось впечатление, что русские не исключают такой возможности. Это не сможет повлиять на военные планы американского и британского правительств, но должно заставить их ускорить отправку совместной миссии в Москву.

28 сентября английский и американский официальные представители прибыли в Москву. С первых слов Бивербрук и Гарриман попытались объяснить, какие усилия прилагают их страны для оказания помощи русским. Все же поначалу, по словам Черчилля, делегации был оказан холодный прием. Советские официальные лица демонстрировали скептицизм, если не сказать – недоверие, относительно возможности Великобритании при первой же необходимости открыть второй фронт. Затем, 29 сентября, на первых переговорах со Сталиным, казалось, недоверие уступило место симпатии. Но уже на втором совещании опять наступило совершенно очевидное ухудшение. Сталин вел себя грубо, в который уже раз он указывал на то, что предлагаемая помощь не идет ни в какое сравнение с бременем, обрушившимся на советскую армию, и обвинял Британию во всех тяготах и лишениях, выпавших на долю Советского Союза. Во время третьего совещания опять произошло изменение в настроении и поведении; теперь Сталин и Молотов были внимательны и полны энтузиазма. Они прекратили всяческие попытки потребовать больше, чем могли получить, и договоренность была достигнута без особого труда.

Бивербрук, редко испытывавший недовольство от собственных поступков, отнес подобную переменчивость в настроении к собственноручно продуманному хитрому плану кампании. А Гарриман пришел в замешательство, особенно от грубости Сталина во время второго совещания. Впрочем, он тоже был рад «солнцу после дождя», как охарактеризовал эту ситуацию Бивербрук. Русские тоже казались удовлетворенными. Сталин подтвердил это, а Литвинов (посол СССР в США. – *Примеч. ред.*), выступавший в качестве переводчика, вскочил со своего места и громко объявил: «Теперь мы выиграем войну». В своей речи, произнесенной на последнем совещании, 1 октября, Молотов заявил «о нашей огромной признательности инициаторам конференции» и сказал, что работа конференции «предопределила» победу над Гитлером. На ужине, данном Сталиным, царило веселье. Свое хорошее настроение Сталин продемонстрировал с помощью тостов, приблизительно около сорока, по числу присутствующих. Каждый раз он вставал и чокался с героем тоста; целый устоявшийся ритуал, который станет столь привычным во время подобных конференций.

По просьбе Сталина перспективный план поставок был оформлен в виде протокола, подписанного в Кремле 1 октября. Он количественно определял каждую позицию поставок для Советского Союза начиная с 1 октября 1941 года и по 1 июля 1942 года. Четыреста самолетов в месяц, включая бомбардировщики; пятьсот танков в месяц и большое количество другой бронетехники, противовоздушные и противотанковые орудия, различное телефонное оборудование, алюминий (которого, из-за быстрого продвижения немецкой армии, Советский Союз испытывал острую нехватку); олово; свинец; никель; медь; магний; сталь; нефть; химические продукты; резина; кожа; шерсть; обувь; одежда для армии; пшеница и медикаменты. Все это и многое другое было обещано без требований о предоставлении с советской стороны полной информации относительно всех потребностей и имеющихся у нее запасов; любая другая страна, стремящаяся получить помощь по ленд-лизу, была обязана предоставить информацию подобного рода. В обязанность американской и британской администраций вменялось только размещение этих заказов «на соответствующих производствах Британии и Америки для Совет-

ского Союза», правда, отдельно оговаривалось, что «Великобритания и США должны оказывать помощь в транспортировке и доставке грузов в Советский Союз». Впоследствии советское руководство утверждало, что они были просто обязаны убедиться в том, что груз доставлен по назначению, и, когда были временно приостановлены конвои в северные русские порты, упрекали британское правительство в нарушении обязательств.

Произошла серьезная задержка в обеспечении и поставке большого количества изделий, обещанных Советскому Союзу не только ранее, но и в соответствии с протоколом. Но все, что уже было отправлено русским, имело для них существенное, возможно даже жизненно важное, значение на протяжении следующей зимы. Самолеты и оружие, ввиду огромного дефицита, собирались в неполной комплектации; увеличение мобильности армии обеспечивали грузовые машины. Учитывая изоляцию Ленинграда и захват немцами фабрик, заводов и электростанций, поставки сырья и оборудования пришлось весьма кстати.

Но еще более важно в этот критический момент было придать уверенность отважным защитникам в том, что у них есть сильные союзники, которые не дадут им погибнуть. Вот в этом они крайне нуждались. Осень в России в том году задержалась, что дало немцам возможность дольше, чем они предполагали, продолжать наступление. Критический момент наступил в середине октября, вскоре после подписания соглашения. Немцы прорвали русскую оборону у Калинина и оказались примерно в тридцати-сорока милях от Москвы. Советское правительство эвакуировало многие министерства и дипломатические корпуса в Куйбышев, расположенный в пятистах милях восточнее Москвы. Но Сталин и его военные советники оставались в Москве и декларировали, что осажденная столица будет защищаться до последнего. Вероятно, американская и британская поддержка помогли обеспечить такую упорную оборону. Защитники рассказывали, что воевали со спокойным сердцем, зная, что не одиноки. 14 октября радио Москвы передало сообщение для защитников города: «Наши люди спокойно глядят правде в глаза. Враг пытается сломить Москву... Снег на полях залит кровью... Гитлер не сможет выдержать нашу зиму. Мы громим немцев у Мелитополя и Мурманска и одновременно подтягиваем мощные резервы на передний край. Немцы никогда не смогут победить русских. Пока тысячи немцев гибнут в брянских лесах, британские самолеты обстреливают Нюрнберг... военные поставки следуют к нам и в Британию через океан. Америка собирает пять тысяч самолетов в месяц. Время – наш союзник...»

Время, пространство, отважные сердца и сильные тела, леденящий холод и помощь Запада – все это работало против Гитлера. А вот Соединенные Штаты не собирались очертя голову ввязываться в войну, но все-таки это произошло 7 декабря, когда Япония, недовольная препятствиями, которые мы чинили ей на пути к полному господству в Азии, подвергла бомбардировке нашу базу в Пёрл-Харборе и потопила большую часть Тихоокеанской флотилии.

Вступление Америки в войну. Окончательное формирование коалиции

Подписав в сентябре 1940 года тройственный договор, Япония объединила свою судьбу с Германией и Италией. Она решила стать членом этого бесчестного союза, который, по мнению американцев, не имел права на существование. Вопреки надеждам его организаторов, мы не только оказали поддержку Китаю и Великобритании, но с этого момента укрепились наша позиция в отношении Японии.

В июле противостояние достигло своей кульминации, но эти события настолько свежи в памяти, что нет нужды говорить о них еще раз.

В ноябре переговоры (имеющие отношение к Британскому Содружеству, Китаю и Голландии) между правительствами Японии и Америки находились в стадии серьезных разногласий. Раздираемая внутренними противоречиями, Япония предлагала заключить перемирие, пытаясь тем самым оттянуть принятие необходимого решения. Она предлагала краткосрочный

договор, в соответствии с которым японская армия должна была начать отступление из Индокитая, а Соединенные Штаты с союзниками, соответственно, возобновить поставки нефти в Японию и прекратить оказывать поддержку Китаю. После мучительных недельных раздумий американское правительство пришло к заключению о неоправданности и безосновательности этих условий и решило пресекать любые попытки принятия соглашений подобного рода. Причина, вызывавшая основное опасение, заключалась в том, что такой договор мог привести к развалу антигитлеровской коалиции. В процессе заключения сделки с Японией китайское правительство могло прийти к выводу, что мы окажемся следующими. Советский Союз, с трудом противостоящий немцам, мог решить, что лучше согласиться на сделку с Гитлером, чем продолжать войну. Впрочем, даже если к этому моменту Япония была бы готова изменить собственную позицию, это бы ничего не дало; конфликт уже нельзя было урегулировать обычным путем; он зашел слишком далеко. Германия-Италия-Япония форсировали создание оборонительной коалиции, по своим масштабам значительно превышавшей планируемую Японией Тихоокеанскую империю. Теперь выжидательная позиция японского правительства уже не радовала, а скорее вызывала опасение.

Итак, 26 ноября в последней ноте Америка отказалась от сделки с Японией и предложила присоединиться к ней на условиях принятия основополагающих принципов с учетом национальных особенностей.

Вот эти условия, предложенные ранее во время переговоров Хэллом и вновь повторенные в последней американской ноте в адрес японского правительства:

- а. Уважение территориальной целостности и суверенитета каждой отдельной нации;
- б. Соблюдение принципов невмешательства во внутренние дела других государств;
- в. Соблюдение принципа равноправия, в том числе и в сфере торговли;
- г. Сохранение статус-кво в Тихоокеанском регионе, за исключением случаев, когда он может быть изменен мирным путем.

Соединенные Штаты упорно стояли на этой позиции и не шли ни на какие компромиссы. У японских лидеров уже не оставалось времени на то, чтобы, используя остатки былой славы, связанной с прошлыми войнами, предстать перед своим народом в качестве удачливых государственных деятелей.

Японское правительство, оказавшись перед подобной альтернативой, выбрало войну. Утром 7 декабря милитаристские силы ударили по государству и по принципам, которые их не устраивали.

В переломный момент между миром и войной американское правительство демонстративно выразило несогласие с рискованными действиями государств Оси.

В последней ноте шла речь скорее о формировании будущих отношений, нежели давалось объяснение прошлым. Появлялась потрясающая возможность из широкого круга общих устремлений выделить одну разумную цель.

Американское правительство, а в особенности государственный секретарь Хэлл, были приверженцами применения этой идеи на практике. И раньше во все смутные времена Хэлл призывал сражающиеся государства руководствоваться правилами хорошего тона. Мирное сосуществование государств Западного полушария шло только на пользу и способствовало общей защите. Предложенные на обсуждение правила варьировались в зависимости от ситуации. На период нейтралитета для каждой из сражающихся сторон, будь то Азия или Европа, были разработаны временные правила. Хэлл никогда не мог понять, почему другие страны не придерживаются этих правил, но все-таки не терял надежды, что когда-нибудь они к этому придут. Для него правила не были чем-то неопределенным и безжизненным. «Это убедительные, жизнеспособные, всеобъемлющие правила. На земле установится вечный мир, если все будут следовать этим правилам. Если не придерживаться правил, будет вечная война».

Во время августовской встречи в заливе Арджентия Рузвельт с Черчиллем выработали декларацию о принципах и целях войны. впоследствии ставшую известной как Атлантическая хартия. Для нас казалось естественным, объединив свою судьбу с Великобританией и Советским Союзом, направить совместные усилия на определение общих целей, к которым следует стремиться. Создание такого документа могло к тому же иметь практическое значение. Наш союз с иностранными державами мог перерасти в нечто большее, чем военный альянс. Он мог пойти по пути заключения корыстных, тайных сделок военного времени, как это произошло во времена Первой мировой войны, тем самым заставив Соединенные Штаты отказаться от намерения объединиться с другими государствами. В то же время будущие гарантии, после победного окончания войны, справедливого и надежного существования, могли поддержать дух народов, находящихся под властью Оси. Черчиллю подобный проект устраивал по совершенно другой причине: опубликование совместной декларации по общим принципам войны и мира должно было способствовать усилению единства Соединенных Штатов и Британского Содружества.

9 августа на обеде, последовавшем после предварительных переговоров между Уоллесом (вице-президентом США в 1941–1945 годах. – *Примеч. ред.*) и Кадоганом, британским парламентским заместителем министра иностранных дел, Рузвельт предложил Черчиллю разработать совместную декларацию, «основанную на общих принципах, которые должны будут определять нашу дальнейшую политику». Черчилль вспомнил об этом на борту «Принца Уэльского»; как правило, его слова не расходились с делом. Уже на следующий день премьер-министр представил готовый для рассмотрения проект декларации.

Этот проект включал в себя три из четырех важнейших положений, вошедших в Атлантическую хартию:

- их страны не будут стремиться к территориальным и каким-либо другим захватам;
- они не желают территориальных переделов, идущих вразрез с волеизъявлением заинтересованных сторон;
- они уважают право народа на выбор той формы правления, при которой они хотели бы жить.

Рузвельт внес карандашную поправку в третий пункт проекта: «...и надеются, что самоуправление сможет вернуть их в то состояние, из которого они были выведены насильственным путем».

Черчилль одобрил внесенное добавление и предложил его в следующей формулировке: «...и надеются, что суверенные права и самоуправление ...»

Кроме того, проект Черчилля затрагивал вопрос, связанный с обеспечением международной безопасности. «Они (Соединенные Штаты и Британия) добиваются такого состояния, при котором не только навсегда будет уничтожен нацизм, но и обеспечена защита территориальной неприкосновенности всех государств силами международной организации...» Президент вычеркнул слова «...силами международной организации...». Черчилль убеждал его оставить все в прежнем виде, но Рузвельт, опасаясь возможности возникновения определенного недоверия и подозрительности в Соединенных Штатах, стоял на своем. И кроме того, объяснял Рузвельт Черчиллю, он не является сторонником создания новой Лиги Наций. К тому времени у него еще не было четкого мнения относительно международной организации. Он искренне верил, что коллективный союз, подобный Лиге Наций, недееспособен, и активно искал другие пути, гарантирующие будущий порядок. В то же самое время Рузвельт был захвачен идеей, что Соединенные Штаты и Великобритания способны добиться этого весьма простым путем, поскольку будут заниматься мирным урегулированием и иметь возможность сдерживать агрессию; они должны были действовать как два полицейских, к которым вскоре присоединится третий, Советский Союз, а позже четвертый, Китай.

Черчилль был обеспокоен возможной вероятностью того, что декларация военных целей подвергнется в Британии резкой критике. Документ был рассчитан на переходный период, в течение которого будут задействованы объединенные силы по охране правопорядка, а по окончании означенного периода необходимость в этом отпадет. Немного позже в этот же день он предложил президенту подумать о внесении новой поправки в заключительную статью, в которой они ратовали за разоружение всех тех, кто представлял угрозу для мира. «...закрывающуюся в создании широкомасштабной, долговременной системы всеобщей безопасности...».

Под нажимом Гопкинса и Уоллеса президент согласился, придя к выводу, что, благодаря внесенной поправке, проясняется положение в переходный период, после окончания войны, и что формирование международной организации будет отнесено на более поздний период. Впоследствии будет показано, каким образом Рузвельт внес изменения в свой перечень целей.

Американцы в основном спокойно отреагировали на Атлантическую хартию. Хэлл отметил это в своем выступлении 14 августа:

«Основные принципы, понятия и стратегия, заложенные в этом документе, являются универсальными с точки зрения их практического применения».

Хартия не просто, подобно моральному кодексу, диктовала, как следует жить, а совершенно конкретно отвечала на бесчисленные вопросы, которые могли быть поставлены войной. Я еще расскажу, как на протяжении многих лет американское правительство предпринимало упорные попытки заставить коалицию использовать эти принципы в качестве основы для принятия совместных решений. В тех случаях, когда не было столкновения интересов или резкого расхождения в понимании цели, усилия были оправданы; но в случае резкого столкновения интересов приходилось поступаться принципами.

Другими словами, обнаружилась зависимость принципов от условий и обстоятельств. Так и должно быть внутри военной коалиции; каждый из участников обязан прислушиваться к другим. Каждый должен уважать любое мнение других, даже если оно не совпадает с его собственным пониманием принципов, и каждый должен устоять перед любым проявлением враждебности или антагонизма со стороны других. Одним словом, коалиция подавляет желания и калечит чувства каждого из своих членов.

Кроме того, в ходе борьбы при постоянно меняющейся ситуации определенного преимущества можно достигнуть только с помощью компромиссов, что, собственно, и делается. Более того, по законам войны страна имеет полное право оставить за собой то, что досталось ей путем страданий и потерь; это расценивается как закон. И последнее: государства в одно и то же время могут иметь противоречивые мнения и, следовательно, руководствоваться различными принципами. В этих случаях закон бессилён.

Но осознали это все гораздо позже. В то время, в 1941 году, принципы, заложенные в основу хартии, определяли дальнейшие перспективы, с помощью которых было проще склонить американцев к принятию срочных мер перед надвигающейся войной. Как только мы вступили в войну, американское правительство сразу же занялось привлечением в стан единомышленников большой группы государств; 1 января 1942 года была подписана Декларация Объединенных Наций. Этот документ, объединивший в военный альянс все правительства, борющиеся против держав Оси, обязывал участников поддерживать принципы, заложенные в хартии. Фактически после подписания декларации действенность принципов должна была подвергнуться серьезному испытанию в сложных условиях войны. Было абсолютно ясно, что советское правительство собиралось настаивать на территориальных притязаниях, а это шло вразрез с западной точкой зрения, высказанной в Атлантической хартии и Декларации Объединенных Наций. Об этом следует рассказать до того, как мы перейдем к объяснению стра-

тегических решений, которые принимала коалиция после вступления в войну Соединенных Штатов.

Принципы, положенные в основу управления коалицией, и требования советской стороны

В период сотрудничества с Германией Советский Союз существенно расширил свои границы. В его состав вошли три Балтийских государства; восточная часть Польши; прилегающая к нему часть Финляндии; некогда принадлежавшая России, а ныне одна из областей Румынии, Бессарабия; Буковина и острова Дуная. С тех пор Советский Союз всячески добивался, чтобы правительства других стран признали, что он на законном основании владеет данными территориями. Как только возник вопрос о военном альянсе с Великобританией и Польшей, это желание вышло на первый план, без каких-либо объяснений и в полной уверенности, что такое положение оправдано исторически и с точки зрения текущего момента.

Американцы и англичане были осведомлены об этом намерении советской стороны, узнав о нем еще в июне-июле 1941 года, когда впервые решили оказать России поддержку. Они просто отложили на время решение этой проблемы. Во время переговоров в заливе Арджентия с 9 по 12 августа Рузвельт и Черчилль окончательно укрепились в нелицеприятном мнении относительно своего неблагодарного союзника. Атлантическая хартия официально признала членом союза в качестве претендентов на новую территорию, но не согласилась с вопросом, касающимся народов, населяющих эту территорию. Несмотря на сильное желание со стороны России, времени на рассмотрение этих сложных проблем было отпущено ничтожно мало: меньше часа отводилось на разрешение спорных вопросов. Рузвельт был вправе признать эти условия повсеместно приемлемыми. Черчилль искренне присоединился к его мнению, несмотря на принятое решение не рассматривать эти условия применительно к существующей Британской империи. 9 сентября в речи, произнесенной в палате общин, Черчилль объяснил свои мотивы: «На встрече в Атлантике мы главным образом рассматривали вопросы восстановления суверенитета, самоуправления, существования государств и народов Европы, находящихся под нацистским игом, и принципы регулирования любых изменений территориальных границ».

Рузвельт имел в виду более широкое с географической точки зрения применение этих условий.

Вскоре советское правительство согласилось с такими условиями, о чем сообщил 24 сентября Майский, советский посол в Лондоне.

Выступление Майского на встрече союзников в Лондоне отличала некоторая тяжеловесность. «Принимая во внимание практическое применение этих принципов, которые неизбежно будут приспособляться к обстоятельствам, потребностям и специфическим особенностям государств, советское правительство может с уверенностью заявить, что последовательное применение этих принципов будет гарантировать мощную поддержку со стороны правительства и народа Советского Союза».

Когда Бивербрук и Гарриман были в Москве, работая над программой оказания помощи, Сталин проявил интерес к военным целям правительств Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Он, с некоторой долей скептицизма, заметил, что вряд ли они остановятся всего на восьми пунктах хартии; их не хватит, чтобы охватить все аспекты проблемы, как, например, заставить Германию оплатить военные расходы. Сталин вновь высказал желание изменить подписанный в июле военный договор с Великобританией. Он собирался внести в договор пункты, касающиеся послевоенного сотрудничества, которое, по всей видимости, займется всеми аспектами политики. Несколько позже между Советским Союзом и Великобританией возникли острые разногласия относительно того, должна или нет Британия объявлять войну Финляндии, Румынии и Венгрии, объединившимся с Германией в борьбе против Совет-

ского Союза. Сталин усиленно настаивал на том, что Британия обязана объявить войну. Черчилль сомневался в разумности подобного решения; может, удастся отделить эти страны от Германии. Это привело к тому, что Сталин заявил, что сомневается в возможности взаимного доверия и ясности в отношениях между правительствами Советского Союза и Британии без детального, не оставляющего сомнений соглашения в отношении военных целей и планов послевоенного сотрудничества.

Черчилль пришел к заключению, что военное сотрудничество не сможет быть по-настоящему действенным, если настроение русских лидеров не изменится к лучшему и они не станут больше доверять партнерам. В связи с этим 21 ноября он предложил Сталину, чтобы Идею сопровождал британских военных экспертов, направленных в Москву. Черчилль пояснил, что Идею приказано обсудить все вопросы, связанные с войной, но основная цель поездки заключается в обсуждении послевоенных соглашений. Сталин приветствовал это предложение.

Британцы занялись решением вопроса, что можно предложить советскому правительству. В это же самое время, в период с 20 по 26 ноября 1942 года, американское правительство занималось составлением соглашения по основополагающим принципам, которые могли лечь в основу будущих отношений с Японией. На тот момент не усматривалось никакой связи между этими двумя событиями. Но, поскольку британский кабинет министров вместе с Черчиллем прекрасно понимали, что война в Тихом океане может начаться в любой момент, они были способны оценить, до каких пор могут идти на уступки, чтобы Россия осталась довольна. Даже если предположить, что это когда-то произойдет, не следовало думать, что Россия переориентирует свои силы на Японию, умерив активность на советско-германском фронте.

Гитлер сделал соответствующие коррективы, имея в виду эти выводы. Несанкционированная публикация в «Chicago Tribune» от 4 декабря текста договора «АВС-1» с Британией, подписанного в марте 1941 года, а также военного плана объединенной армии и военно-морского флота и предположительного состава объединенного стратегического совета, подписанного 11 сентября 1941 года Старком и Маршаллом, заставила немецких военных советников пересмотреть стратегические планы. Немецкое наступление на Восточном фронте решили на время приостановить; основные силы авиации и флота Германии перебросить для нападения на Британию и захвата Восточного Средиземноморья. Но Гитлер отклонил этот план, что явилось одним из наиболее важных решений в годы войны.

Только 4 декабря американское правительство было проинформировано о цели поездки Идена в Москву. Идею сообщил Винанту, нашему послу в Великобритании, что цель его визита «...будет заключаться в том, чтобы развеять недоверие со стороны Советов и по возможности убедить в этом Сталина. Среди прочего, он должен попытаться получить подтверждение одобрения советской стороной Атлантической хартии и официального подтверждения заверений, прозвучавших 6 ноября в речи Сталина, и, кроме того, одобрения возможного разоружения Германии и федеративных соглашений между малыми европейскими государствами».

Хэлл был обеспокоен, что Идею, гарантируя военное сотрудничество с Россией, может быть вовлечен в решение советских территориальных вопросов, и это в то время, когда мы отважились на войну с Японией из-за отказа удовлетворить подобные пограничные притязания. Итак, 5 декабря, с одобрения президента, Хэлл срочно отправил Винанту письмо с просьбой встретиться с Иденом до его отлета в Москву. Министр иностранных дел должен был объяснить, что послевоенная политика Америки будет вкратце изложена в Атлантической хартии; что, по нашему мнению, будет большой ошибкой со стороны советского, британского и американского правительств прийти к любому соглашению относительно конкретных условий послевоенного устройства или принять обязательства рассматривать индивидуально каждое государство, что может поставить под угрозу общую цель в отношении прочного мира, а главное – не должно заключаться никаких секретных соглашений. 6 декабря Винант передал это послание Идену. Память услужливо напомнила о больших неприятностях, последовавших за тай-

ными соглашениями наших европейских партнеров, возглавляемых министром Вильсоном, в Первую мировую войну.

Когда на следующее утро японцы совершили нападение на Пёрл-Харбор, британское правительство задумалось, стоит ли посылать Идена в Москву. Но Черчилль решил, что это новое грандиозное событие ничуть не уменьшило потребность в создании крепкой основы для объединения с Москвой и нет необходимости вносить какие-либо изменения в ранее выданные Идену распоряжения. Идеи отправился в Москву, а Черчилль в спешном порядке занялся подготовкой первого за время войны визита в Вашингтон, чтобы там, в перерывах между обсуждениями вопросов, связанных с войной, вместе с Рузвельтом закончить составление Декларации Объединенных Наций.

Во время визита в Москву, в период с 16 по 28 декабря, Идеи и его коллеги из Лондона обращали особое внимание на то, чтобы американская администрация была информирована о происходящем и постоянно находилась в курсе дела. Члены делегации сообщали об основных моментах, возникающих в ходе переговоров, Уолтеру Тарстону, советнику нашего посольства, оставшемуся в Москве, в то время как весь штат посольства отправился в Куйбышев. Помимо этого, отчеты Идена для министерства иностранных дел о ходе переговоров с Молотовым и Сталиным были показаны Винанту.

Советских руководителей не удовлетворили обязательства относительно сотрудничества и взаимопонимания, основанные на известных принципах. Они добивались полной определенности в вопросе о том, что Советский Союз получит в конце войны. Сталин предложил составить соглашение относительно: а) послевоенных западных границ Советского Союза и б) урегулирования большинства других европейских политических и территориальных вопросов, которые возникнут по окончании войны. Уже на первых переговорах, 16 декабря, Сталин предложил Идену оформить это в виде секретного протокола к основному договору.

Не обращая внимания на существующую линию фронта, они смотрели в далекое победное будущее. У них были конкретные, далеко идущие устремления. Сталина в первую очередь интересовало признание законности советских границ в том виде, в каком они были до нападения Германии в июне 1941 года. Балтийские государства, часть Финляндии и Бессарабия должны были остаться в составе Советского Союза. Граница между Польшей и Советским Союзом должна была проходить по так называемой линии Керзона, что фактически означало удержание почти всей Восточной Польши, оккупированной Советским Союзом в 1939 году. Все вопросы, связанные с границами, должны были войти в приложение к договору.

Румыния должна была предоставить условия для размещения советских военно-воздушных баз. Кроме того, Молотов дал понять, что советское правительство собирается поднять вопрос о переносе границ в Западной Пруссии и о дополнительных военно-воздушных и военно-морских базах в Финляндии.

Сталин сообщил Идену, что в случае согласия с советскими пожеланиями относительно границ и территорий советское правительство, в свою очередь, с удовольствием согласится на требования Великобритании. Он заявил, что будет готов поддержать любые соглашения, на основании которых Соединенное Королевство сможет получить базы и другие подобные объекты в западных странах, например во Франции, Бельгии, Нидерландах, Норвегии, Дании.

Черчилль мрачно прочел сообщение Идена о советских предложениях, находясь на борту судна, следующего в Вашингтон. Все его помыслы были направлены на оформление военных планов, которые должны были стать предметом обсуждения с его новым великим союзником. В такой момент, конечно, не стоило волновать принимающую сторону, соглашаясь с предложениями Сталина, не соответствующими его, Черчилля, намерениям. 20 декабря он отправил с борта корабля сообщение военному правительству: «Требования Сталина относительно Финляндии, Балтийских государств и Румынии полностью противоречат первому, второму и третьему пунктам Атлантической хартии, подписанной Сталиным. Не может идти речи о подоб-

ном соглашении, тайном, явном или подразумеваемом, без предварительного согласования с Соединенными Штатами. Еще не время для улаживания пограничных вопросов; они могут быть решены только на мирной конференции. после нашей победы в войне».

Идеи придерживался этой же линии, несмотря на то что вопрос оставался открытым до принятия советских условий. Он объяснил Сталину, что не может подписать соглашение, гарантирующее признание советских границ или содержащее другие территориальные притязания, мотивируя это тем, что «британское правительство заверило американское правительство, что никогда на это не пойдет».

Сталин грубо ответил, что не требуется доказательств, чтобы понять: Советский Союз, учитывая понесенные потери и необходимость в получении помощи, должен восстановить прежние территории. Когда Идеи сослался на принципы Атлантической хартии. Сталин заметил, что хартия была направлена против тех, кто пытается установить мировое господство, но для начала следует посмотреть, не направлено ли это против Советского Союза. Он пошел еще дальше, заявив, что, если Британия откажется признать советские границы, это покажет, что она попросту создала прецедент. чтобы разделить на части Советский Союз. Идеи уверенно отменил эти подозрения и упорно стоял на той позиции, что британское правительство из-за обещания, данного американскому правительству, не может поступить так, как этого хочет Сталин. Потребуется время, чтобы обсудить советские предложения не только с правительством Америки, но и с правительствами доминионов. Сталин заявил, что договор, не содержащий требуемых условий, не более чем одно лишь название и что он подождет, пока британское правительство проведет необходимые консультации. Идеи пообещал, что переговоры будут проведены безотлагательно. Он покинул Москву, оставив вопрос в стадии рассмотрения, отложенным на время. но не забытым. То, что произошло несколькими месяцами позже, будет рассказано в связи с отчетом о поездках Молотова в Лондон и Вашингтон, где, наряду с проблемой второго фронта, обсуждался и этот вопрос.

Еще шли переговоры с Иденом, а советские руководители уже начали обсуждение договора с поляками. Польша была разорена, и после вторжения Германии русские были готовы рассматривать поляков в качестве союзников. В ходе переговоров советские лидеры выдвигали те же предложения, касающиеся будущих советско-польских границ, что и во время переговоров с британской стороной. Учитывая важность вопроса для отношений между членами коалиции (прошлых, настоящих и будущих), следует ясно представлять причины и историю возникновения данного вопроса.

Существует много различных причин, по которым проблемы, связанные с Польшей, оказались столь жизненно важны. Во-первых, географическое положение, между Германией и Россией, являлось причиной того, что вопрос границ, дипломатические и военные связи имели первостепенное значение в любой борьбе за власть. Доказательством служат трагические свидетельства трех столетий. Таким образом, русские и немцы рассматривали польский вопрос в исторической перспективе, от прошлых взаимных конфликтов до опасности будущих столкновений. Гордость и мужество поддерживали поляков и, идя на компромиссы, они только добавляли очередную несправедливость к уже имеющимся.

Возродившись после Первой мировой войны в статусе самостоятельного государства, Польша разочаровалась в политиках и патриотических идеалистах, которые боролись за ее возрождение. В ходе этой гнусной интриги, продолжавшейся в Европе в течение нескольких лет, Польша входила в контакт со всеми возможными партнерами.

Несмотря на надвигающуюся угрозу со стороны Германии, на всем протяжении между войнами Советский Союз и Польша сохраняли враждебные отношения. Хотя Германия захватила Австрию, поляки не предприняли никаких действий в попытке защитить себя. После Мюнхенского соглашения, когда Гитлер разгромил Чехословакию, поляки в октябре 1938 года

захватили Тешинскую Силезию. Это имело печальные последствия; был нанесен удар по интересам Польши, ее положению и отношению к ней на Западе.

Уже весной 1939 года кабинет Чемберлена окончательно уверился, что Гитлер вынашивает замысел господства национал-социалистской Германии над всей Европой. Выступая 31 марта в палате общин, премьер-министр, в частности, сказал: «...в случае любых действий, представляющих угрозу независимости Польши, против которых польское правительство сочтет необходимым обороняться силами национальной армии, правительство его величества будет обязано сразу же оказать всемерную поддержку правительству Польши. Именно поэтому мы выдали гарантии польскому правительству». Правительство Франции сделало то же самое.

Советское правительство настаивало, что для того, чтобы подобное обязательство с его стороны было бы действительно эффективным, Красная армия в критической ситуации должна иметь право войти в Польшу и Румынию. Но поляки опасались открывать свои границы Красной армии, даже в том случае, если она придет, чтобы защитить их.

Когда 15 августа 1939 года Бонне, министр иностранных дел Франции, в разговоре с польским послом поднял этот вопрос, предупреждая его, что в случае отказа следует опасаться чего угодно, вплоть до германо-русского соглашения, направленного против Варшавы, М. Лукашевич ответил: «Бек (польский министр иностранных дел) никогда не согласится впустить русских на территорию, которую мы отобрали у них в 1921 году. А вы бы согласились предоставить немцам право защищать Эльзас-Лотарингию?»

Польша отказалась дать свое согласие, несмотря на то что Британия и Франция были готовы предоставить полные гарантии вывода советских войск, которые могли бы войти в Польшу, и даже предоставить «полные гарантии на эти гарантии». Советское правительство ошибочно считало, что упорство со стороны польского правительства означает, что Польша тайно сотрудничает с Германией или готова пойти на это.

А затем произошло следующее. Печально известный пакт, заключенный советским и германским правительствами 23 августа 1939 года, поделил Польшу между ними. Секретное приложение предусматривало, что «в случае территориальных и политических перестановок в районах, примыкающих к Польше, раздел сфер влияния Германии и Советского Союза должен проходить по рекам Нарев, Висла и Сан». Вопрос о том, требуют ли интересы обеих сторон сохранения независимости Польши и как следует ограничить ее независимость, мог быть решен только в ходе дальнейшего развития политических событий.

Выждав определенное время, чтобы избежать неожиданного столкновения на территории Польши с британскими или французскими войсками, Красная армия 17 сентября пересекла польскую границу. В ноте, которую Потемкин, помощник Молотова, вручил польскому послу в Москве всего за несколько часов до начала вторжения, была достойная внимания фраза, пример того, как проявление враждебности может быть представлено в виде акта благожелательности: «...советское правительство предпринимает все усилия для того, чтобы вытащить польский народ из этой ужасной войны, в которую он был втянут по недомыслию собственных руководителей, и предоставить ему право жить в мире».

Немцы наступали гораздо быстрее, чем это предполагалось, и продвинулись уже восточнее Вислы в ту часть Польши, которая, согласно секретному приложению, отошла Советскому Союзу. Таким образом, Гитлер добился изменения разделительной линии. Риббентроп опять отправился в Москву, и секретный договор с внесенными поправками был подписан. По нему Германии отходило Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства, тем самым отодвинув границы на семьдесят – сто миль восточнее, чем оговаривалось в первом соглашении. Взамен Германия отказалась от притязаний на большую часть Литвы. Тогда же британское правительство подсчитало, что на территории, захваченной Россией, жило почти пять миллионов поляков. Это данные переписи населения на 1931 год, без учета последующего увеличе-

ния (по заявлению Батлера, заместителя министра, в палате общин 18 октября 1939 года). По данным исследования, проведенного американским межведомственным комитетом, установлено, что на территории Польши, оккупированной Советским Союзом в 1939 году, проживало примерно 11,8 миллиона человек, из которых 4,7 миллиона (39 процентов) поляки, 4 миллиона (34,2 процента) украинцы, 1 миллион (8,3 процента) белоэмигранты, 1 миллион (8,3 процента) евреи и 1,1 миллиона разные национальности.

Но русские не согласились с этим утверждением и упорно доказывали, что территория была получена на законном основании и должна считаться частью Украины и Белоруссии.

Польское государство было уничтожено, но членам польского правительства и некоторым крупным военным чинам удалось убежать во Францию и Англию. Они сформировали правительство в изгнании, которое вскоре разместилось в Лондоне. Британское правительство признало его и относилось как к полноправному союзнику. Польское правительство в изгнании обеспечило средства для организации польских авиагрупп, героически проявивших себя при защите Британии, и наземных дивизий, сражавшихся в Италии и Франции.

Американское правительство 2 октября 1939 года тоже признало польское правительство в изгнании и установило с ним дипломатические отношения. А вот советское правительство с презрением отнеслось к польскому правительству, и так продолжалось до тех пор, пока Германия в июне 1941 года не повернула на восток, пройдя маршем по той части территории бывшей Польши, которая входила в состав Советского Союза. Тут же встает вопрос: могли бы эти две страны урегулировать отношения? Можно было бы предлагать полякам воевать вместе с русскими, заранее не пообещав, что в конце войны Польша будет восстановлена? А с какими границами?

Генерал Сикорский, премьер-министр польского правительства в изгнании, хотел урегулировать отношения с русскими. После беседы с Черчиллем и Иденом он 23 июня, на следующий день после германского вторжения в Россию, выступил по радио с заявлением о своем желании урегулировать отношения с Советским Союзом, но добавил, что «у нас есть все основания предполагать, что в таком случае Россия аннулирует советско-германский пакт 1939 года». Британское правительство уклонилось от разбирательства этого вопроса; это сделало американское правительство.

4 июля Майский проинформировал Идена о соображениях советской стороны по поводу восстановления отношений с Польшей. «Советское правительство, – сказал он, – готово иметь дело с „лондонской группой“, рассматривая ее в качестве правительства Польши. Это дало бы возможность сформировать в Советском Союзе Польский национальный комитет, которому было бы разрешено, в свою очередь, сформировать Польскую национальную армию из бывших польских солдат; обеспечение этой армии взяло бы на себя советское правительство». Советский Союз одобрял создание независимого национального Польского государства с границами «в соответствии с этнографической Польшей». «Если генерал Сикорский и его правительство, – сказал Майский, – находят это предложение приемлемым, советское правительство подготовит соглашение о выступлении единым фронтом против немецкой агрессии».

В начале июля 1941 года Британия организовала встречу Сикорского с Майским для обсуждения вопроса, каким образом они могут уладить имеющиеся разногласия. Первая встреча, по выражению Черчилля, оказалась «фригидной». Советское правительство продемонстрировало, что готово согласиться с большинством польских предложений, но не согласиться с возвратом тех территорий бывшей Польши, которые были аннексированы Советским Союзом. Майский приводил такие аргументы. Во-первых, этнографически эти территории принадлежат России, во-вторых, британское правительство в июле 1921 года явилось инициатором разделительной линии (линии Керзона), что было практически тем же самым. И третье: исходя из полученного опыта совершенно ясно, что эти территории имели существенное значение при обороне Советского Союза. Именно этой точки зрения придерживался Сталин в

своем первом с начала войны послании Черчиллю от 18 июля, замечая, что «легко представить, насколько предпочтительнее было бы положение немецкой армии, если бы советские войска оказались с ней лицом к лицу не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольского, Минска или Ленинграда».

Это явилось основанием для того, чтобы на протяжении всех переговоров с поляками русские твердо стояли на одном: вопрос с западными русскими границами (соответственно восточными границами Польши) должен быть урегулирован раз и навсегда. Столь однозначное требование означало, что война не сможет к взаимному удовольствию разрешить этот затянувшийся на три столетия вопрос: как поделить участок земли в центре Европы между русскими, поляками и немцами.

Ни британское, ни американское правительства не видели, каким образом можно безотлагательно исключить эту превентивную меру из советско-польского соглашения. Но, несмотря на недовольство со стороны русских и неуверенность поляков, это все-таки было сделано. Соглашение было подписано 30 июля. Решающий аргумент, повлиявший на решение проблемы польских границ, заключался в утверждении, что советско-германские соглашения 1939 года относительно раздела Польши «...утратили юридическую силу».

В день подписания этого соглашения британское правительство направило официальную ноту в адрес польского правительства, констатируя, что «...правительство его величества не признает какие-либо территориальные изменения, происшедшие в Польше после 1939 года». Идеи еще раз отметил это обстоятельство в речи, произнесенной им в тот же день в палате общин. Но на вопрос, означает ли эта нота, что британское правительство *гарантирует* сохранение польских границ 1939 года, Идеи дал отрицательный ответ. Дальше я расскажу о том, как британское правительство пришло к убеждению, что исходящее из Советского Союза предложение относительно новых польских границ было весьма удачным.

Американское правительство также отказалось от помощи в восстановлении прежних польских границ. 31 июля оно сделало весьма туманное заявление, оставляющее огромное поле для различных толкований.

Поляки предприняли попытку настоять на своих условиях в соглашении с Москвой. В публичном выступлении Сикорский заявил, что границы должны быть восстановлены в том виде, в каком они были до вторжения с Востока и Запада. 31 августа «Известия» отреагировали на его выступление, сообщив, что Советский Союз никогда не давал подобных обещаний.

Возобновление официальных отношений между Россией и Польшей не привело к обычному сотрудничеству в интересах общего дела. 14 августа они продолжили подписание военного соглашения, предусматривающего условия, на которых польская армия будет сформирована в России. Поляки то и дело сталкивались с трудностями при попытке выполнить это условие соглашения. Они полагали, что Советский Союз умышленно не выполняет взятые на себя обязательства. Но недовольные поляки все же не могли не отметить ужасных испытаний, выпавших на долю Советского Союза в течение первой осени и зимы после вторжения Германии, и считали своим долгом внести вклад в общее дело борьбы с врагом. Несмотря на многочисленные препятствия, небольшая польская армия была наконец-то сформирована. Поляки были осведомлены о том, что высшие военные чины, избежавшие лагерей для военнопленных, собирались присоединиться к ним. Советские лидеры не давали никаких объяснений по этому поводу. Тайна исчезновения польских офицеров глубоко засела в сознании поляков и явилась причиной дальнейшего разрыва советско-польских отношений. Но это уже относится к не оправдавшему надежд будущему.

Между тем после вмешательства Америки и Британии, непосредственно перед визитом Идена, генерал Сикорский в декабре 1941 года вновь отправился в Москву, где подписал со Сталиным Декларацию о польско-советской дружбе и взаимопомощи. Польский премьер-министр добился некоторых уступок, но далеко не всех. Сталин вновь пообещал, что

польские граждане, находящиеся в Советском Союзе, будут немедленно освобождены, но он имел в виду только тех, кто являлся поляком по рождению, а не польских евреев, украинцев, белоэмигрантов. Он согласился с тем, что в России должно быть сформировано шесть-семь польских дивизий, но оснащенных в основном с помощью Великобритании и Соединенных Штатов.

Сикорский был вполне удовлетворен данными обещаниями. Сталин тоже казался довольным. Но проблема, касающаяся границ, оставалась по-прежнему острой, и Сталин стремился обсудить ее. Ему хотелось уладить вопрос до визита Идена, чтобы больше не было никаких препятствий к подписанию долгожданного договора с Великобританией. Неожиданно прервав дружеский разговор, Сталин сказал: «А не стоит ли поговорить сейчас о границах между Польшей и Россией?» Но Сикорский понимал, насколько острым является пограничный вопрос, а потому ответил, что не может обсуждать эту тему, более того, он не видит в этом необходимости, поскольку вопрос о границе был решен в 1921 году.

Сичановский, бывший в это время послом в Советском Союзе, написал в своей книге, что Сталин пытался склонить Сикорского к обсуждению границ, объясняя, что требуются незначительные изменения, которые практически не затронут Польшу.

Согласно одной из статей, опубликованной уже в 1947 году, Сталин сказал, что хочет немного изменить советско-польские границы (чуть-чуть), и добавил, что ни в коем случае не будет претендовать на Львов, который этнографически принадлежал Польше. Статья, судя по всему, была основана на действительной информации, но, к сожалению, автор не указал документы или источник, на которых основывалось это утверждение, и теперь трудно судить о достоверности этой информации.

Вполне вероятно, что в тот момент польское правительство упустило великолепный шанс добиться некоторых компромиссов со стороны советского правительства. Русские ожесточенно оборонялись, и именно в этот период для советских руководителей дружба и поддержка значили гораздо больше, чем когда-либо.

Столь явные различия в политических устремлениях и взглядах среди членов коалиции не препятствовали обсуждению основных военных планов. Как будет показано ниже, о совместных планах постоянно помнили; союзники просто не могли позволить себе прекратить разработку текущих и перспективных военных планов.

ВТОРОЙ ПЕРИОД

1942 год: принятие основных стратегических решений и политика сдерживания Германии (Северная Африка и Сталинград)

Определение основного стратегического курса: Европа или Тихий океан?

Выбор стратегического направления сказался не только на непосредственных участниках военных действий. Он, в частности, оказал влияние на Соединенные Штаты, которые посчитали, что при решении этого вопроса должны приниматься в расчет нижеследующие условия. Все члены коалиции участвуют в одной войне, и не может быть никаких сепаратных соглашений ни при каких условиях; решения о военных операциях должны приниматься с учетом конкретной территории, а не с учетом политических мотивов: война будет считаться законченной только при безоговорочной капитуляции врага.

Однако не следовало слишком оттягивать решение политических вопросов на том основании, что идет война; это могло негативно сказаться на окончательных результатах после ее победного завершения. Шла война, и в атмосфере всеобщей подозрительности внутри коалиции открылось широкое поле деятельности для всевозможных махинаций. У каждого члена коалиции появлялся соблазн, используя военную стратегию, преследовать собственные политические цели. И каждый, об этом речь пойдет ниже, в какой-то мере именно так и поступал. Советский Союз в Европе, захватывая все большие территории; Великобритания в Средиземноморье, защищая себя; Соединенные Штаты в Тихом океане, пребывая в нерешительности.

Американская стратегия в основном отражала политические цели. Совершенно очевидно, что все усилия со стороны Америки должны были быть направлены прежде всего на разгром Оси в Европе.

Впоследствии военные историки тщательно изучили принятое в то время решение; мы же сейчас отметим только важнейшие этапы и характерные особенности. Основная стратегия была выработана тогда, когда американское правительство все еще мыслило категориями «молниеносной войны». Принцип управления был изложен в докладной записке начальника штаба ВМС адмирала Старка от 12 ноября 1940 года. Старк рекомендовал, после обеспечения защиты Соединенных Штатов и Западного полушария, «перейти в наступление в Атлантике, поскольку Британия является нашим союзником, и занять оборонительное положение в Тихом океане». Все последующие совместные с британцами штабные совещания проходили под этой эгидой, как и проходившее в Вашингтоне в период с 29 января по 29 марта 1941 года совещание, на котором был выработан совместный план действий, получивший название «АВС-1».

Американские военные планы были приведены в соответствие с «АВС-1». Как отмечалось в совместном докладе генерала Маршалла и адмирала Старка, направленном 5 ноября 1941 года президенту Рузвельту, Китай обращался к Америке с просьбами о предоставлении военной помощи и располагал сведениями о возможном втягивании нас в войну. В докладе говорилось: «Начальник штаба ВМС и начальник штаба армии в соответствии с изложенным пришли к общему заключению. На совещании Объединенного американско-британского штаба были достигнуты соглашения по основным направлениям военной политики и стратегии. Разгром Германии является основной задачей наших государств. Она не будет считаться выполненной, если Япония будет разбита, а Германия останется непобежденной. В любом случае наступательные действия против Японии не должны предприниматься до тех

пор, пока Германия, наиболее опасный враг, не пошатнется от наших совместных действий в Атлантике». Потеря большей части нашего Тихоокеанского флота и молниеносная высадка японского десанта в Юго-Восточной Азии расстроили наши заранее подготовленные планы. Требовалось по-новому взглянуть на основополагающие принципы. Через две недели после нападения на Пёрл-Харбор, направляясь в Вашингтон для участия в конференции, получившей название «Аркадия», Черчилль и его советники были крайне обеспокоены тем обстоятельством, что мы, принципиально изменив стратегический курс, направили основную часть боевых ресурсов на Тихий океан. Черчилль боялся, что американский народ не в состоянии оценить «в целом соотношение сил в войне». Позже Черчилль писал: «Мы понимали, какой серьезной опасностью может обернуться для нас решение Соединенных Штатов развернуть войну против Японии в Тихом океане, оставив нас воевать с Германией и Италией в Европе, Африке и на Ближнем Востоке».

Россия тоже по вполне понятной причине могла изменить стратегию войны в Европе и на Дальнем Востоке. Мы пытались объяснить советскому правительству, что японцы слишком расщедоточили свои силы, особенно в южном направлении, и, если Россия, Соединенные Штаты, Великобритания и Китай, скоординировав свои действия, выступят единым фронтом, Японию удастся разгромить. В ответ прозвучал отказ. Кроме того, американские начальники штабов были озабочены возможностью захвата Японией советского Приморья. Это тоже было одной из причин для переброски основных сил в Тихий океан, в то время как советское правительство настаивало на создании второго фронта в Европе.

Комитет начальников штабов Соединенных Штатов принял решение оставить в силе одобренную совместную стратегию, хотя и с некоторыми оговорками. Аргументированная оценка результатов, достигнутых на первом большом военном совещании США и Великобритании, хорошо изложена в документе от 10 января 1942 года, который Черчилль адресовал начальникам штаба и военного кабинета Британии.

«Мы сошлись во мнении, что поражение Германии неминуемо повлечет за собой разгром Японии, в то время как разгром Японии не обязательно приведет к окончанию мировой войны. Более того, учитывая безбрежные пространства Тихого океана и уже захваченные японцами тактически важные позиции, вероятное нападение Японии представляется крайне опасным и весьма продолжительным. Постепенная переброска армий, базирующихся главным образом в Австралии, Индии и в Юго-Западном Тихоокеанском бассейне, окажется столь же продолжительной...

Следовательно, в первую очередь надо начать войну с Германией, и было бы ошибочным упоминать о нашей „оборонительной позиции“ в отношении Японии. Как раз наоборот, еще до разгрома Германии нам следует перехватить инициативу на Дальнем Востоке».

В официальном соглашении от 12 января 1942 года американские и британские начальники штабов, рассмотрев два основных театра военных действий, постановили, что «только минимальное количество сил может быть задействовано для поддержания жизненно важных интересов на других театрах войны; основные силы должны быть направлены против Германии». «Больше всех для принятия этого кардинального решения сделал генерал Маршалл», – заметил Черчилль.

В качестве особого условия оговаривалось, что нельзя допустить вражеского вторжения на Гавайи, Аляску, Сингапур, Филиппины, в Ост-Индию, Рангун, Китай и Приморье. Вопрос необходимого количества сил для решения этих задач должен был быть улажен несколько позже. Рузвельт пообещал Черчиллю при необходимости направить пятьдесят тысяч амери-

канских солдат в Австралию и дополнительно двадцать пять тысяч для захвата Новой Каледонии и других мест на промежутке между Соединенными Штатами и Австралией.

Но все эти январские решения, как оказалось, были лишены всякого смысла. Нападения на голландскую Ост-Индию, Малайю, на базы в Сингапуре, на Филиппинах и в Рангуне (главный порт Бирмы) требовали постоянного притока американских сил в юго-западный район Тихого океана. В первую очередь была задета гордость военно-морского флота, и новый главнокомандующий ВМС, адмирал Кинг, не будучи причастен к разработке первых стратегических планов, требовал принятия чрезвычайных мер. Ранее адмирал Старк активно придерживался той точки зрения, что предпочтение должно быть отдано Атлантике и что ВМС должны играть второстепенную роль в материковой войне в Европе. Адмирал Кинг был категорически не согласен с этой политикой. Его назначили на должность главнокомандующего флота Соединенных Штатов (новый титул) благодаря его настойчивости и наличию собственного мнения, что круто изменило стратегический курс США. После «Аркадии» был взят курс на Тихий океан.

Удалось добиться рационального использования не только военно-морских сил, но и сухопутных и военно-воздушных сил для защиты союзнических территорий в Тихом океане и следом захватить базы, с которых было бы возможно наносить ответные удары по японцам. Активные просьбы со стороны союзников повлияли на размещение наших военных ресурсов. На протяжении первых двух с половиной месяцев 1942 года Америка отправила сто тридцать две тысячи солдат, из которых двадцать тысяч были посланы в Исландию и Северную Ирландию, в соответствии с ранее принятыми решениями, а около девяноста тысяч человек размещены на промежутке между Гавайями и Австралией.

Волна всеобщего негодования докатилась даже до стратегов армии и Белого дома. Из всех исследований этого периода, подвергавших сомнению правильность стратегических планов, наиболее убедительным оказался документ, написанный одним из помощников начальника штаба, бригадным генералом Д.Д. Эйзенхауэром. Сделанное им 22 января заявление позволяет судить о его отношении к происходящему: «Мы добрались до Европы, чтобы сражаться... мы впустую растрачиваем ресурсы... и что еще хуже... теряем время. Если мы должны защищать Россию, то следует оборонять Ближний и Средний Восток, Индию и Бирму; надо начать воздушные бомбардировки Западной Европы; и как можно скорее перейти к началу наземной операции».

Заявление Эйзенхауэра, сделанное им 28 февраля, прекрасно иллюстрирует ход его рассуждений. В нем генерал доказал, что, несмотря на то что Германия и ее сателлиты обладают значительной боевой мощью, у Японии на этот момент более выгодное положение, поскольку она не находится в состоянии войны с Советским Союзом. Кроме того, он пошел еще дальше в своих рассуждениях и подчеркнул тот факт, что общие усилия Британии, Соединенных Штатов и Советского Союза могли бы быть направлены против Германии и Италии, но не против Японии. И последний, решающий фактор: в Тихоокеанском бассейне потребуется в три, в четыре раза больше кораблей, чем в Атлантике. Следовательно, совершенно очевидно, что в первую очередь следует сконцентрировать усилия против европейских государств Оси. Следуя этой логике, Эйзенхауэр поддержал разработку совместного с Британией плана крупномасштабных операций в Северо-Западной Европе: начиная с середины мая перейти в наступление против постоянно увеличивающихся частей ВВС Германии, а к концу лета – против наземных войск.

Руководство Объединенного штаба одобрило эти выводы и 16 марта утвердило план операции.

Американские военные специалисты во главе с президентом тут же принялись выстраивать точный календарный план на основе этого стратегического проекта.

Президент считал необходимым объяснить правительству Голландии принятое решение. Вне всякого сомнения, полное оптимизма письмо, отправленное 6 апреля королеве Нидерландов Вильгельмине, преследовало цель оказать поддержку ее высочеству: «К сожалению, следует признать, что большая часть мира охвачена войной, и я думаю, понятно, что в последующие шесть месяцев основная проблема кроется в успешности борьбы России с Германией; если этим летом немцам удастся поставить Россию на колени, Германия сможет бросить все силы против Ближнего и Среднего Востока и попытается объединиться с Японией.

Другими словами, разгром Германии этим летом должен являться для нас основной стратегической целью. Все объясняется достаточно просто: если нам удастся это сделать, то Германия вряд ли переживет следующий год. В этом случае силы Объединенных Наций быстро справятся с японцами и отправят их обратно на свои острова. Голландская Индия будет восстановлена... и что-то внутри говорит мне, что так и будет...»

Гопкинс и Маршалл отправились в Лондон на переговоры с начальниками штаба и военного кабинета Британии, и 14 апреля предварительное соглашение относительно предложенного Маршаллом проекта было достигнуто. Основным планом заключался в сосредоточении сил на территории Англии для вторжения на континент 1 апреля 1943 года; на непредвиденный случай, если потребуются срочно оказывать помощь русским на Восточном фронте, был разработан дополнительный план, предусматривающий высадку в 1942 году. Об этом подробнее будет рассказано в следующем разделе.

План военных действий в Европе был временно законсервирован, не без участия тех, кто стремился воевать в Тихом океане. Согласие Лондона совершенно не влияло на переброску войск в направлении Дальнего Востока. Несмотря на решение в первую очередь начать войну в Европе, Британия фактически дала согласие на вторжение через Ла-Манш, одновременно перебрасывая силы на восток для защиты Индии, Австралии и Новой Зеландии. В ответ на настойчивые требования правительств Австралии и Китая в течение нескольких месяцев 1942 года, поддержанные ВМС Юго-Западного Тихоокеанского флота под командованием Макартура, в эти районы была направлена значительная часть боевых ресурсов.

В начале мая президент все-таки дрогнул под оказанным на него давлением и решил направить в Австралию большее количество самолетов и людей. Но Маршаллу удалось доказать, что это расстроит план нападения через Ла-Манш, и президент снял свою необдуманно поставленную резолюцию. В послании президента генералу Макаартуру от 6 мая явно ощущается недовольство: «Мне трудно согласиться с основной стратегией весенне-летней кампании по той простой причине, что русская армия уничтожит гораздо больше солдат и выведет из строя большее количество техники Оси, чем двадцать пять армий Объединенных Наций, вместе взятых. Следовательно, будет совершенно правильно оказать поддержку России в 1942 году, обеспечив максимально возможную поставку военного снаряжения, и, кроме того, разработать планы, которые позволят частично отвлечь с русского фронта наземные и воздушные силы Германии».

Макартур, являясь наиболее убежденным сторонником широкомасштабной акции в Тихом океане, доказал, что, помимо прочего, это еще и самый действенный и быстрый способ оказать русским максимальную поддержку. Однако президент упорно стоял на своем. 30 мая во время визита Молотова, советского министра иностранных дел, в Вашингтон (об этом чуть ниже будет подробно рассказано), президент сделал заявление о готовности информировать Сталина, «что мы в этом году рассчитываем открыть второй фронт»; он имел в виду второй фронт в Атлантике.

Борьба между сторонниками действий в Тихоокеанском и Атлантическом регионах разгорелась с новой силой, когда в июле британский военный кабинет министров отказался от плана нападения через Канал (то есть пролив Ла-Манш. — *Примеч. ред.*) и вернулся к проекту высадки в Северной Африке. Такой поворот событий обеспокоил Маршалла, и он тут же объ-

единился с Кингом и с теми, кто продолжал настаивать на кардинальном изменении в размещении наших военных сил. 10 июля на совещании Комитета начальников штабов Маршалл, при поддержке Стимсона, предложил раскрыть карты, чтобы британские лидеры не говорили, что мы развернулись в сторону тихоокеанского театра военных действий для решительного наступления на Японию, поскольку не прошел план, одобренный ими в апреле. В тот же день Кинг и Маршалл направили записку в адрес президента, в которой они делали такой вывод: «Если Соединенные Штаты должны принимать участие в любых операциях, кроме силовых, строго следуя плану „Болеро“, то, бесспорно, нам следует обратить внимание на Тихий океан, чтобы нанести решающий удар по Японии...» (В этот период существовала некоторая путаница с использованием названия «Болеро», которым обозначалась одна из частей операции через Ла-Манш, а иногда и вся операция.)

Ответ, направленный 14 июля из Гайд-парка, составленный в уважительном тоне, поскольку одним из авторов послания был президент, должен был убедить Маршалла и Кинга изменить свое мнение. По сути, он не являлся приказом, но звучал безапелляционно. «Я решил отправить вас, Кинг и Гарри (Гопкинс), в Лондон... Мне хочется, чтобы вы знали, что я не одобряю план тихоокеанской кампании». По возвращении из Гайд-парка в Вашингтон на следующий день президент сказал Стимсону, что ему не понравился тон записки Маршалла-Кинга, касающейся операции в Тихом океане.

В директиве, переданной отправляющейся в Лондон миссии, президент ясно дал понять, что независимо от того, будет или нет Британия соглашаться на высадку через Ла-Манш в 1942 году или весной 1943 года, он по-прежнему считает, что Германия является тем врагом, который должен быть уничтожен первым.

«Я возражаю против того, – писал он, – чтобы все наши усилия были направлены в Тихоокеанский регион, чтобы как можно скорее добиться поражения Японии. В высшей степени важно, чтобы мы понимали, что разгром Японии вовсе не означает разгрома Германии и что сосредоточение наших сил против Японии в этом или в 1943 году увеличит шансы Германии в установлении господства в Европе и Африке. С другой стороны, совершенно очевидно, что поражение Германии или удержание ее всеми возможными способами в 1942-м и в 1943 годах неизбежно приведет к полному разгрому Германии на европейском и африканском театрах войны и на Ближнем Востоке».

Интерес представляет следующая фраза: «Поражение Германии означает поражение Японии, причем, возможно, без выстрелов и кровопролития».

Интересно, что эта директива от 16-го числа сильно отличается от проекта, подготовленного Военным департаментом и представленного на рассмотрение президенту 15-го числа. Интересно также, что Черчилль в «Hinge of Fate» пишет, что рассматривает эту директиву как наиболее компетентное предложение, касающееся военной стратегии, из всех, которые когда-либо предлагал президент Рузвельт. Другая убедительная причина, на которую ссылался президент, – это невозможность нанесения решающего удара до тех пор, пока мы не сосредоточим усилия ВМС в этом районе. Не надо забывать, что существовала огромная потребность в авианосцах и десантных судах. В разговоре с Гопкинсом относительно его поездки в Лондон президент особо подчеркнул, что «армия с авиацией не являются решающей силой. Необходимо усиление военно-морского флота, а на это потребуется время».

В Лондоне Гопкинсу, Маршаллу и Кингу пришлось столкнуться с непреклонной позицией Британии. В отчетах президенту Гопкинс особо подчеркивал этот момент. Президент по-прежнему соглашался на операцию «Торч» в Северной Африке, дающую возможность американским сухопутным войскам развернуть наступление на Германию в 1942 году. Именно это

решение определило приоритетность североафриканской экспедиции над остальными американскими военными действиями в других частях мира.

В течение следующих месяцев в Тихом океане было проведено несколько оборонительных операций и даже наступательная тактическая операция с ограниченной задачей. Военно-морские силы под командованием Макарута встретили менее значительное сопротивление со стороны военного ведомства, чем это было бы в том случае, если бы операция высадки через Ла-Манш была еще только в процессе разработки. Большая часть ВМС находилась уже в Тихом океане. Продолжалась отправка людей и оборудования на Дальний Восток; по крайней мере, до августа это представлялось гораздо более актуальным, чем пересечение Атлантики. Изменения произошли только после того, как операция в Северной Африке получила активное развитие. Заглядывая вперед, можно сказать, что через год после Пёрл-Харбора, в боевых действиях по всему побережью Северной Африки и в подготовке к высадке через Ла-Манш в 1943 году, численность американской армии, задействованной в Тихоокеанском регионе против японцев, равнялась, по грубым прикидкам, численности армий Соединенного Королевства и Северной Африки, вместе взятых. Всего в двух регионах было задействовано примерно семьсот тысяч человек, и порядка трети самолетов Соединенных Штатов находилось на тихоокеанском театре военных действий.

Существенным отличием от операции «Болеро» являлось использование бомбардировщиков. В памятной записке от 24 октября, направленной Комитету начальников штабов, Рузвельт заявлял, что необходимо любой ценой удержать Гвадалканал, и добавлял: «Вскоре мы будем заняты на двух фронтах, и нам необходимо иметь соответствующую поддержку на каждом, даже если придется пренебречь остальными нашими обязательствами, особенно в отношении Англии...» В этой записке временный приоритет отдавался насущным требованиям тихоокеанской операции, не изменяя при этом основной стратегии.

С этого времени сухопутные и воздушные силы направлялись в основном в Европу. В район Тихого океана было направлено достаточно большое количество ресурсов для успешного проведения наступательных операций. Хотя победа в войне над Германией была еще далека, принцип расширения экспансии в Тихом океане не провозглашался открыто в проектах или решениях Объединенного штаба. Следовало признать, что любое увеличение сил, которые мы отводили на операцию в Средиземноморье, должно было, грубо говоря, приводить к увеличению сил, задействованных в тихоокеанской операции. Военный департамент использовал это в качестве ответной меры в отношении Британии, противостоящей их усилиям направить большую часть американской армии в Средиземноморье. В ответ на согласие перейти в наступление от Африки до Сицилии, данное на конференции в Касабланке в 1943 году, американцы потребовали расширения зоны своих действий в Южном и Юго-Западном Тихоокеанском регионе, реализуя тем самым растущую численность военно-морских сил. Они решительно отстаивали право на эти гораздо более необходимые для проведения военных операций в Тихом океане, а не во время высадки в Северо-Западной и Южной Франции суда. Как позже будет отмечено, это было одной из основных причин отсрочки проведения запланированных операций. Союзники ждали, что с верфей будет сходить в срок необходимое для тихоокеанского театра действий количество судов.

Хотя во всех официальных документах утверждалось, что первой должна быть одержана победа над Германией, что в конечном итоге и произошло, основные силы, до момента вторжения через Ла-Манш, были сосредоточены на тихоокеанском театре военных действий.

Заглянем немного вперед. Следует заметить, что театр военных действий Китай-Бирма-Индия не значился в списке приоритетных направлений. Мы делали ровно столько, сколько было необходимо, чтобы Китай находился в состоянии войны, и даже немного больше. Из семисоттысячной американской армии, отправленной из Соединенных Штатов, всего шестна-

дцать тысяч оказались в зоне военных действий этого военного театра, причем большая часть в Индии.

Зависимость Китая от требований остальных военных театров была связана с тем, что Британия и Советский Союз отнюдь не желали расходовать свои военные ресурсы в этой стране. Вот о чем следует помнить. Мы рассчитывали, что просто потянем с оказанием помощи китайскому правительству до тех пор, пока не одержим победу над Германией, а затем, без особых усилий, дойдем до Китая и уже вместе с китайцами расправимся с Японией.

Стремление направить американские ресурсы в первую очередь на разгром Германии, безусловно, повлекло за собой определенные последствия. Измени мы выбранную стратегию, и международное положение, а соответственно, и положение Соединенных Штатов, Британии, Советского Союза и Китая на завершающем этапе войны оказалось бы иным. Теперь трудно и, по всей видимости, бессмысленно, выяснять, какие последствия могло бы повлечь за собой принятие иного решения. Но некоторые предположения все-таки будут высказаны на страницах этой книги, просто для выяснения определенных моментов в таком безнадежном вопросе, как «могло бы быть»:

1. Если бы затянули с проведением операций в Средиземноморье, Италии и высадкой через Ла-Манш, то на завершающем этапе войны Советский Союз оказался бы более ослабленным.

2. В конце войны Америка могла бы занять господствующее положение на тихоокеанском театре. Мы могли бы сосредоточить реальные силы в Китае и, вероятно, в Монголии и Корее. В результате последующие соглашения, касающиеся этих регионов, могли бы оказаться для нас более выгодными.

3. Франция могла оказаться целиком во власти Гитлера, и, возможно, у Гитлера хватило бы сил, чтобы победить Британию на Среднем Востоке. Занимая господствующее положение в Западной Европе, нацизм окончательно бы сломил моральный дух людей, привел бы к физическому уничтожению населения и разрушил политические институты государств. Победенные народы могли бы относиться к нам с полным безразличием, считая, что Советский Союз является их единственным верным другом-освободителем. Думаю, что это само по себе служит основным политическим оправданием нашей стратегии.

4. Германская ракетная атака могла привести к гораздо более разрушительным последствиям в Британии и оказаться настолько опасной, что союзникам пришлось бы срочно, до окончания необходимой подготовки, вторгнуться во Францию.

5. Если бы в то время, как Германия все еще продолжала воевать, Япония была бы уже полностью разбита, окончание войны, возможно, ознаменовалось бы первой атомной бомбой, сброшенной на Германию. В этом случае изменились бы условия капитуляции, и неизвестно, в лучшую или худшую сторону.

Даже эти предположения свидетельствуют о том, насколько сложно было бы предусмотреть последствия политического курса Соединенных Штатов, направленного в первую очередь не на разгром Германии.

Я всего лишь поверхностно ознакомил с теми сложностями, которые возникли в отношениях между американцами и британцами при выборе стратегического курса, когда решался вопрос, куда в первую очередь следовало направить усилия; стоило ли предпринимать попытку пересечения Ла-Манша в 1942 году или весной 1943 года, или удалось бы обойтись высадкой в Северной Африке и на средиземноморском побережье. К этим проблемам мы еще чуть позже вернемся.

Второй фронт в 1942 году: вторжение через Ла-Манш или Северная Африка?

Создатели стратегического курса расходились во мнениях относительно этой проблемы. Американцы полагали, что за ней могут скрываться политические мотивы. Эти метания то в одну, то в другую сторону, многократное изменение планов и напряженные дискуссии чуть не нарушили совместные планы ведения войны.

Группа военных советников во главе с Черчиллем прибыла в декабре 1941 года в Вашингтон на конференцию, получившую название «Аркадия», в полной уверенности, что первой совместной американо-британской акцией окажется высадка в Северной Африке. На первой неофициальной встрече, состоявшейся 22 декабря, Черчилль представил этот проект. Он объяснил, что опасается – если мы затынем с решением вопроса, Гитлер может опередить нас и двинуться через Испанию и Португалию к африканскому побережью. Премьер-министр с энтузиазмом представлял, как британская армия в скором времени одержит решающую победу в Ливии, одновременно продвигаясь на запад к тунисской границе, в то время как союзническая экспедиция будет двигаться навстречу по средиземноморскому побережью. Рузвельт согласился с предложенным проектом, считая его вполне целесообразным, хотя бы даже по той причине, что американцы получают ощущение сопричастности к войне. Черчилль, очевидно, имел веские основания для того, чтобы после первого совещания доложить военному кабинету, что «обсуждение было ни то ни се».

Как отражено в официальном отчете, составленном по окончании конференции, военные штабы пришли к следующему соглашению:

«В 1942 году будут использованы методы, способные ослабить сопротивление Германии: все увеличивающиеся воздушные бомбардировки силами Британии и Соединенных Штатов... поддержка всеми возможными способами наступательных операций со стороны русских... операции, основной целью которых будет завоевание всего побережья Северной Африки; мало вероятно, что будет возможно любое крупномасштабное наступление, за исключением русского фронта... а вот в 1943 году уже может быть расчищен путь для возвращения на материк через Средиземноморье, через Турцию на Балканы, или путем высадки десанта в Западной Европе. Все эти операции окажутся прелюдией перед заключительной атакой непосредственно на саму Германию».

Но неблагоприятная обстановка, сложившаяся в последующие две недели в зоне Тихоокеанского региона и на Среднем Востоке, лишила надежды в короткие сроки подготовить надлежащую экспедицию в Северную Африку. Как уже было сказано, наступление японцев на юго-западном направлении тихоокеанского театра военных действий заставило американцев и англичан в спешном порядке направить туда больше, чем предполагалось, кораблей, самолетов и людей. В то же самое время германская армия ухитрилась укрепить оборонительные позиции на востоке Средиземноморья. Гитлер, приубавивший активность на русском фронте из-за зимы, занялся отправкой новых дивизий на Средний Восток. 13 января, в ответ на просьбу президента проанализировать сложившуюся ситуацию и дать оценку будущим событиям, начальники штабов сообщили, что с проведением основной операции в Северной Африке придется подождать до возвращения с юго-восточной части Тихоокеанского региона воинских частей и грузовых судов, то есть по крайней мере до середины мая. Черчиллю, весьма разочарованному задержками, тормозящими продвижение британских частей в Африке и Юго-Западной Азии, в результате пришлось примириться с таким положением дел. Он подавил свои эмоции, покидая

в середине января Соединенные Штаты: «Моим надеждам, связанным с победой в Западной пустыне, где должен был быть разбит Роммель, не суждено сбыться. Роммелю удалось ускользнуть. Наш авторитет, безусловно, пошатнулся, и операция, связанная с высадкой англо-американского десанта во Французскую Северную Африку, естественно, отодвигается на месяц».

В течение периода вынужденного ожидания Соединенные Штаты пришли к выводу, что операция в Северной Африке будет невыгодна с точки зрения расходования военных ресурсов и даже опасна.

В марте в Белом доме была срочно проведена серия совещаний с целью выбора более удачного стратегического курса. Имеющий серьезную поддержку в лице Маршалла Стимсон, чье мнение совпадало со штабными стратегами, во главе которых стоял Эйзенхауэр, энергично доказывал из раза в раз, почему столь важно избежать «рассредоточения» и сконцентрировать усилия на наращивании сил в Великобритании для нападения через Ла-Манш. Мотивировка производила серьезное впечатление. В докладной записке, которую Эйзенхауэр представил на рассмотрение коллегам, он подытожил все вышесказанное. По крайней мере, до Британии путь свободен, и американские части будут добираться без проблем; в предлагаемой операции будет задействован кратчайший морской путь, что позволит с наибольшей эффективностью использовать военно-морской флот; появляется реальная возможность нейтрализовать усилия Германии, направленные на концентрацию мощи против России с целью расправиться с ней еще до наступления следующей зимы; это наиболее простой и удобный путь с точки зрения подхода к Германии; мы получим явное превосходство в воздухе; и, наконец, не подвергая опасности оборонительные сооружения Великобритании, станет возможным использовать большую часть британских военных мощностей. Именно эти доводы послужили хорошим аргументом нападения на Германию через Ла-Манш.

К концу встречи, 25 марта, когда президент вновь стал проявлять нерешительность, предлагая переадресовать эту проблему Объединенному штабу, Гопкинс резко высказался против всякого рода проволочек. Он настаивал на том, чтобы начальники Комитета объединенных штабов как можно скорее завершили работу над планом и «кто-нибудь» (Маршалл) тут же отправился бы с ним к Черчиллю. Стимсон с Маршаллом покинули совещание в полной уверенности, что следует ускорить работу над планом, которым занят в данное время их штаб. Этим они и занялись в первую очередь.

Заслушав 1 апреля доклад Маршалла, президент одобрил разработанный штабом план и приказал Маршаллу и Гопкинсу немедленно отправиться в Лондон.

В соответствии с планом, впоследствии ставшим известным как Меморандум Маршалла, предполагалось начать вторжение во Францию 1 апреля 1943 года (операция «Болеро»). Соединенные Штаты должны были предоставить около тридцати дивизий и примерно три тысячи военных самолетов, а Британия – восемнадцать дивизий и около двух с половиной тысяч военных самолетов. Однако в случае возникновения непредвиденных ситуаций операцию предполагалось провести досрочно, в 1942 году (операция «Следжхэммер»); в том случае, если потребуется прийти на помощь теряющим силы русским или если удастся воспользоваться представившимся счастливым случаем, являющимся результатом событий, происходящих в самой Германии.

Британия была поражена наличием у Америки огромных человеческих ресурсов и самолетов, способных нанести основной удар в случае нападения. После нескольких дней обсуждения представленного плана операции 12 апреля Черчилль проинформировал президента о том, что британские начальники штабов *в принципе* согласны с предложенным Соединенными Штатами планом. Еще через два дня британские начальники штабов заявили, что план их устраивает. В тот же вечер, 14-го числа, на совещании военного кабинета министерства обороны, в присутствии Маршалла и Гопкинса, Черчилль искренне заверил их, что официально

«принял план, имеющий исключительное значение». Хотя на самом деле согласие Британии было не более чем тактическим маневром.

Филд Маршал Алан Брук, начальник имперского штаба, сыгравший столь значительную роль в спасении британской армии в Дюнкерке, 14 апреля сделал такую запись в дневнике: «Исключительно важная встреча, во время которой мы согласились с их предложениями относительно вторжения в Европу в 1943-м, а возможно, и в 1942 году... На что действительно согласились британские начальники штабов, так это на проведение, во взаимодействии с Соединенными Штатами, подготовительной работы для вторжения в Европу, когда бы ни началась операция, и, кроме того, они весьма одобрительно отнеслись к вопросу максимальной концентрации американской военной мощи на территории Англии...»

Трудно сказать, что произошло на самом деле; то ли Маршалл и Стимсон не смогли правильно оценить ситуацию, то ли решили не обращать внимания на неопределенность позиции, занимаемой Британией. Тем не менее они покинули Лондон в надежде, что достигли полной договоренности. Отчитываясь перед Стимсоном и коллегами из Военного департамента, Маршалл доложил о результате, достигнутом миссией, вопреки серьезному осложнению, вызванному беспокойством Великобритании по поводу грозящей со всех сторон опасности, и о том, что американский стратегический план был одобрен с небольшой поправкой и незначительными ограничениями. Но едва американцы исчезли из поля зрения Уайт-холла, как Черчилля и его военных советников начали одолевать сомнения; энтузиазм, с которым был встречен предложенный план, тут же пропал. Они подсчитали, что имеют в своем распоряжении слишком незначительное количество десантных судов, способных вместить одновременно всего лишь четыреста человек, а это количество, достаточное для того, чтобы превратить предложенный план в «несбыточную мечту».

После отъезда американской миссии британцы досконально обсудили предложенный план и оценили вероятность огромного риска в случае, если придется начать операцию, не дожидаясь ослабления Германии, или, что не исключено, при возможности перехода военных действий в затянувшуюся агонию позиционной войны, как это было в Первую мировую войну.

Резкое неприятие американских предложений, о чем тут же стало известно Маршаллу, оказалось даже сильнее, чем неприятие Рузвельта Черчиллем. Британские начальники штабов во главе с Черчиллем фактически отказались от мысли предпринять какую-либо попытку высадки на континент в 1942 году, даже в случае непредвиденных обстоятельств. Они посчитали, что в любом случае это окажется опасным и бессмысленным действием, которое не сможет серьезным образом облегчить положение русских. Англичане пришли к выводу, что, даже если союзническая армия войдет в Шербург или Брест, она будет там заблокирована, а значит, будет вынуждена держать оборону на протяжении следующей зимы и весны; это, в свою очередь, серьезным образом скажется на флоте и военных ресурсах и вызовет задержку остальных операций и, кроме того, никоим образом не заставит немцев в 1942 году перебросить основные силы с Восточного фронта. Позже Черчилль давал понять, что больше всего его интересовал вопрос, что следовало сделать до вторжения, предпринятого в 1943 году.

Оставаясь приверженцем ранее разработанных, неосуществленных планов вторжения, Черчилль не желал упустить другие отличные возможности, особенно ту, которую он обсуждал с Рузвельтом в декабре: одновременно с экспедицией в Северную Африку Британия наносит удар с востока. Понятно, что перспектива вторжения в 1943-м, а может, даже в 1944 году выбила его из равновесия. Черчилль полагал, что американцы рассматривают эту операцию в качестве решающей акции, в ходе которой будут разгромлены основные силы Германии. Памятуя об уроках Первой мировой войны, Британия не хотела завоевывать победу таким же путем. Англичанам хотелось отложить нападение до тех пор, пока немцы не выбьются из сил, затем лишить их союзника в лице Италии, а после этого изгнать их из Средиземноморья. В этом случае заключительным актом явилось бы вторжение с запада.

Так или иначе, но перемены в настроении Британии зашли так далеко, что стали уже вполне ощутимы. Гарриман, занимавшийся в то время в Лондоне операциями по ленд-лизу и установивший дружеские отношения с Черчиллем, с беспокойством отмечал появление этих тенденций. Расхождение между тем, что сообщили президенту Маршалл с Гопкинсом, и тем, что Черчилль говорил Гарриману, было достаточным для того, чтобы впоследствии явиться причиной серьезных разногласий между Соединенными Штатами и Британией... Обеспокоенный сложившейся ситуацией, Гарриман решил отправиться со специальной миссией в Вашингтон, но внезапно заболел.

Разница в подходе к операции, связанной с вторжением через Ла-Манш, обнаружилась во время визита Молотова в Лондон и Вашингтон по вопросу открытия второго фронта. Для того чтобы получить полное представление о том, что там происходило, читателю потребуется перевернуть еще несколько страниц. Здесь же будет вполне достаточно отметить, что во время первой остановки Молотова в Лондоне (с 21 по 26 мая), еще до поездки в Вашингтон, Черчилль держался предельно настороженно. Он уклонялся от прямых и точных ответов на настойчивые вопросы Молотова, кто – Соединенные Штаты или Британия – и когда начнет наступление с запада на Германию. А вот когда Молотов прибыл в Вашингтон, президент повел себя иначе и несколько раз в разговоре с Молотовым подчеркнул, что предполагает открыть второй фронт в 1942 году. По возвращении Молотова в Лондон из Вашингтона Черчилль, старательно поддерживая у Молотова впечатление, что вторжение через Ла-Манш начнется, вероятно, даже в 1942 году, тем временем вручил ему меморандум, в котором объяснялось, что по понятным причинам британское правительство не может давать такого рода обещаний.

28 мая, информируя Рузвельта о ходе обсуждения военных проблем с Молотовым, Черчилль многозначительно сказал: «Мы никогда не должны отказываться от „Джимнаст“ (операция по завоеванию Французской Северной Африки), и, если потребуется, все должно быть направлено на выполнение этой операции».

Ко времени возвращения Молотова в Москву британское правительство оговорило условия, которые, по его мнению, должны были быть выполнены прежде, чем будет предпринята какая-либо операция по вторжению через Канал. 11 июня на совещании военного кабинета Черчилль высказался в том смысле, что любая попытка высадки на континент, предпринятая в 1942 году, зависит от двух моментов: нет оснований для высадки во Франции, если не преследуется цель остаться там, и не стоит даже пытаться предпринимать какие-либо действия, если немцы не будут деморализованы собственными неудачами на русском фронте. Военный кабинет согласился с этим мнением. Оценивая тот факт, что кое-кто во главе с Маршаллом помешан на идее любой ценой высадиться на континенте в 1942 году, чтобы облегчить положение русских и подготовить основное вторжение 1943 года, Черчилль понимал неотложность очередной поездки в Вашингтон, чтобы со всей определенностью выразить там свое несогласие по данному вопросу. Он считал, что, если ему не удастся уговорить американцев, рухнет англо-американский военный союз. Премьер-министр понимал, что для того, чтобы добиться своего, ему придется предложить какой-то проект, согласно которому объединенные силы Америки и Британии выступят против Германии в 1942 году. Черчилль, естественно, имел в виду операцию в Северной Африке.

Премьер-министр провел несколько дней (с 19 по 25 июня) в разговорах в Гайд-парке, и Вашингтон сдался под напором его красноречия. Черчилль приложил все силы, чтобы убедить Рузвельта в том, что не чрезмерный страх, или предубеждение, или какой-то прогноз привели его коллег к этому решению, а тщательно проведенный военный расчет. Он уверенно заявил, что в его штабе нет ни одного человека, который бы считал, что высадка в северо-западном направлении в 1942 году может оказаться успешной. В настоящий момент немцы укрепили свои позиции, и он (Черчилль) не собирается посылать войска в очередной Дюнкерк.

Маршалл с гневно кричащим за его спиной Стимсоном упорно настаивали на своем. Маршалл, в отличие от Черчилля, не был уверен, что русским удастся продержаться без посторонней помощи в 1942 году. По поводу этого свидетельствовало активное наступление немцев в Крыму, оккупация Харьковской области, уверенное продвижение на Кавказ; а еще дальше, на севере, захватив Курскую область, немцы сосредоточили значительные силы для наступления на Сталинград. Даже если русским удастся сохранить линию обороны, Маршалл опасался, что немцы настолько укрепили свои силы и смогли продвинуться так далеко на восток, что умудрились сэкономить значительные резервы для того, чтобы позже направить свой удар против Запада. Относительно предложенной альтернативы, связанной с отправкой экспедиции в Северную Африку в 1942 году у Маршалла были определенные сомнения; он опасался, что этот план негативно отзовется на более поздней операции, связанной с вторжением во Францию.

Британцы были категорически против проведения любых операций через Ла-Манш в 1942 году и всячески оттягивали решение вопроса о наступлении в 1943 году до тех пор, пока не смогут предложить план, устраивающий обе стороны. В конце крайне эмоционального, длившегося целый день спора в Белом доме (21 июня) было достигнуто соглашение, что до 1 сентября американская сторона будет активно заниматься подготовкой операции «Болеро»; одновременно, в зависимости от ситуации, будет принято решение о необходимости проведения наступления через Ла-Манш.

Для Ливии это была страшная неделя. Пока шли переговоры, было получено известие, что Тобрук капитулировал, освободив, таким образом, путь Германии для завоевания всей области Суэцкого канала. Теперь немцы двигались с такой скоростью, что под их напором оставшаяся часть британской армии могла быть или уничтожена, или ей пришлось бы отступить, поставив под удар всю территорию вплоть до Индии. Вероятность такого исхода оказала влияние на переброску военных частей и оборудования, что, в свою очередь, отразилось на вопросе относительно возможных попыток вторжения в 1942 году. Еще до падения Тобрука американцы предлагали отправить туда 2-ю танковую дивизию, которая должна была принять участие в защите Ливии, в том случае, если Британия возьмет на себя транспортировку. После падения Тобрука Британия просила как можно скорее направить туда дивизию, кроме того, предложив направить корабли, «Королеву Мэри» и «Королеву Елизавету», для переброски американских частей в Англию. Чтобы не допустить срыва операции «Болеро», американцы настаивали на том, чтобы Британия направила в Ливию свою собственную дивизию, и, чтобы заставить ее сделать это, дали обещание обеспечить британскую армию на Среднем Востоке значительным количеством танков, самоходных артиллерийских установок и других видов вооружения. Ситуация, таким образом, была спасена, но операции по высадке на континент был нанесен серьезный ущерб. Это повергло американцев в крайнее уныние.

2 июля, спустя неделю после отъезда Черчилля в Лондон с так и не разрешенными проблемами, американские и британские начальники штабов предприняли действия, свидетельствующие о различии их устремлений. Американцы решили предпринять атаку в юго-западной части Тихого океана, начиная с Гвадалканала. В это время британцы отправили Черчиллю мрачное сообщение; они ожидали, что им не удастся добиться специально оговоренных военным кабинетом условий, предшествующих открытию второго фронта в 1942 году. Через четыре дня Черчилль председательствовал на совещании британских начальников штабов, на котором «единогласно приняли, что операция „Следжехэммер“ (экстренная высадка в 1942 году) не оставляет надежды на успех и просто разрушит все шансы на проведение операции „Раундап“ в 1943 году».

Черчилль решил, что пришла пора положить конец разногласиям и покончить с нерешительностью, что, как он позже описывал свои размышления, «наступил момент отступить от операции „Следжехэммер“, которая должна быть на какое-то время предана забвению».

Черчилль еще раз объяснил президенту причины, обуславливающие его позицию. Суть его заявления, изложенного в личном послании Рузвельту от 8 июля, заключалась в следующем: «Никакой британский генерал, маршал или адмирал не вправе предлагать „Следжехэмер“ в качестве реально осуществимой операции в 1942 году». И дальше он поясняет: «Я уверен, что Французская Северная Африка (операция „Джимнаст“) является наилучшим шансом с точки зрения оказания помощи русскому фронту в 1942 году... Это и есть реальный второй фронт, открытый в 1942 году».

Через два дня, 10 июля, британский военный кабинет продублировал личное послание Черчилля, отправив британскую военную миссию в Вашингтон с тем, чтобы она проинформировала комитет начальников штабов Соединенных Штатов.

Маршалл все еще продолжал настаивать на том, что это означает отказ от главного ради второстепенного. Но президент был всерьез обеспокоен разногласиями между своими и британскими военными советниками. В связи с этим Рузвельт сообщил Маршаллу, что решил немедленно отправить его вместе с Гопкинсом и Кингом в Лондон. В течение двух дней, 15 и 16 июля, президент изложил Маршаллу свою позицию. Она состояла в следующем. В Лондоне Гопкинс и Кинг должны достигнуть *неких* решений, которые дадут возможность американским сухопутным войскам начать наступление в 1942 году. Угроза тихоокеанской операции не являлась ультиматумом в адрес Британии. В случае если Британия будет по-прежнему отказываться принимать участие в нападении через Ла-Манш в 1942 году, в конце года Америке придется отказаться от какой-нибудь операции в Африке. Составленные президентом директивы заканчивались в несвойственном ему приказном тоне: «Запомните, пожалуйста, три основных условия: единство планов, комбинация защиты и нападения, а не только нападение, и быстрота принятия решения, касающегося совместных планов. Все это окажет непосредственное влияние на деятельность сухопутных частей Соединенных Штатов, сражающихся с Германией в 1942 году. Я надеюсь, что вы достигнете соглашения по всем вопросам в течение одной недели».

Согласившись с американцами, что в плане имеются достаточно серьезные недоработки и допускается определенная степень риска, Черчилль и британское руководство по-прежнему были убеждены, что операция в Северной Африке наиболее перспективна из всех операций, которые могли бы быть предприняты в 1942 году. Поэтому во время переговоров с Маршаллом и его коллегами они продолжали упорно настаивать на своем.

Об этом было решительно заявлено президенту. Ознакомившись с результатами переговоров, президент приказал Маршаллу, Кингу и Гопкинсу договориться с британцами, согласившись на одну из приемлемых альтернатив.

Таким образом, на основании приказа президента они были вынуждены отказаться от собственных планов и согласиться на операцию в Северной Африке. Затаив в душе обиду, настроенные весьма пессимистично, Маршалл с коллегами выполнили приказ президента. 24 июля на последней встрече с британскими начальниками штабов Маршалл потребовал, чтобы это решение было запротоколировано, причем в такой форме, чтобы стало понятно, что «...мы вступаем в эту операцию, жертвуя планом „Раундап“, который, по всей вероятности, не будет выполнен в 1943 году. Вот почему мы согласились с оборонительной тактикой».

Маршалл всеми силами стремился оговорить в виде особого условия, чтобы рассмотрение решения относительно операции, связанной с вторжением через Ла-Манш в 1943 году, было бы отложено до 15 сентября, когда оно могло бы оцениваться в зависимости от предполагаемого хода военных действий на территории России. Британские начальники штабов не согласились признать подобный план. Но, даже по возвращении в Вашингтон, наличие особого мнения дало возможность Маршаллу утверждать, что проблема так и осталась нерешенной.

Однако у президента была своя точка зрения на существующую проблему. В этот же день, 24 июля, вероятно еще до того, как он увидел итоговый отчет, составленный британскими и американскими начальниками штабов, президент сообщил Гопкинсу, что он является сторон-

ником скорейшей высадки в Северной Африке. Ознакомившись с отчетом, Рузвельт не обратил внимания на особое мнение, и уже на следующий день, 25-го, послал сообщение в Лондон. По его мнению, операция в Северной Африке должна была начаться не позднее 13 октября, и попросил Гопкинса передать Черчиллю, что он доволен принятым решением. Президент просто зачитал это сообщение государственному секретарю Стимсону и генералам Арнольду и Макнарни, не поинтересовавшись их мнением.

Из всех сторонников высадки на континенте больше всех из-за принятого решения переживал Стимсон, опасаящийся того, что произойдет распыление большей части американских сил на театрах войны в Северной Африке, Великобритании и Австралии в то самое время, когда, победив русских, немцы смогут спокойно перебросить все силы на запад. Он изложил свою точку зрения президенту по телефону, в докладной записке и в письме, но даже после этого президент не изменил своего решения. Позже, оглядываясь назад, Стимсон установил причины, по которым не сбылись его пессимистические прогнозы: неожиданная победа русских под Сталинградом и невероятно удачный десант в Северной Африке.

Когда после возвращения в Вашингтон Маршалл принялся приводить аргументы в защиту своей точки зрения, это не произвело на президента ровным счетом никакого впечатления. 13 июля он объявил, что, как главнокомандующий Объединенного штаба, он принял следующие решения: операция в Северной Африке (под новым названием «Торч») должна начаться как можно раньше; именно эта операция и будет являться основной целью; она будет иметь приоритет по отношению к остальным задачам, таким, например, как концентрация, подготовка и оснащение воинских частей в Великобритании для будущего вторжения на континент. Тем самым он проигнорировал пророчества Маршалла и Стимсона, что если англо-американские войска будут заняты в Северной Африке, то не произойдет никаких попыток вторжения во Францию в 1943 году. Как докладывал Маршаллу после встречи с президентом генерал Макнарни, «...он не видит причин, по которым отвод нескольких частей в 1942 году может воспрепятствовать проведению операции „Болеро“ в 1943-м».

Рузвельт не мог предположить, как сильно это повлияет на подготовку операции по вторжению через Ла-Манш в 1942 году и на действия в Тихом океане. Затянувшаяся кампания в Тунисе, вызвавшая замешательство в англо-американских войсках, доказала ошибочность его позиции. Но даже если бы он предвидел заранее, что это произойдет, он бы все равно решил, что наиглавнейшей целью является немедленное участие американской армии в действиях, направленных против Германии и Италии. Когда выяснилось, что операция по вторжению через Ла-Манш отодвигается на какое-то время, появилась надежда, что Гитлер, потеряв двухсотпятидесятитысячную армию и необходимое оборудование, отзовет с русского фронта авиационную поддержку. И наконец, остался открытым вопрос: даже если все силы и ресурсы, необходимые в Северной Африке, будут брошены на подготовку вторжения через Ла-Манш в 1943 году, можно ли будет признать целесообразной эту попытку, при условии что Германия все еще будет сильна...

Что же касается Черчилля, то его не сильно волновало, каким образом североафриканская операция скажется на задержке операции через Ла-Манш. Судя по дневниковым записям, Черчилль надеялся на успешное продвижение на север и юг Германии. По его мнению, эти действия наряду с изнурительными боями на востоке, при поддержке воздушных атак, окажут такое воздействие на Германию, что не потребуются никакого вторжения с запада. Разве что придется нанести решающий удар, когда Германия будет уже практически повержена.

Далее. Черчилль полагал, что североафриканская экспедиция не только не отменяет обязательства, взятые на себя президентом и им (Черчиллем) в части оказания помощи русским в 1942 году, а как раз способствует наиболее эффективному их выполнению. Следуя этому убеждению, Черчилль мужественно взялся урегулировать со Сталиным и советскими лидерами этот вопрос. В своей обычной сердечной манере он поставил руководство России перед фактом,

что в 1942 году США и Англия не будут высаживать войска на континент. Чтобы понять, как и почему это решение повлияло на более поздние отношения с Советским Союзом, необходимо вернуться назад, чтобы понять, что думали об этом же русские.

Присоединение Советского Союза: второй фронт и советские фронты

Как только первые немецкие танки вторглись на территорию Советского Союза, Сталин потребовал от союзников таких действий, которые заставили бы немцев разделить свою армию и тем самым уменьшить напряжение на Восточном фронте. Америка и Британия, несмотря на различие во взглядах на эту проблему, решили приступить к выполнению поставленной задачи в 1942 году. Насколько этой проблемой были заняты мысли Рузвельта, ясно из сообщения, отправленного 2 апреля Черчиллю, в котором президент сообщает, что посылает Маршалла и Гопкинса в Лондон для того, чтобы они объяснили ключевые моменты плана высадки через Ла-Манш. «Я надеюсь, что Россия воспримет этот план с большим энтузиазмом, и хочу просить Сталина немедленно направить двух специальных представителей (Молотова и командующего ВМФ) для встречи со мной». В письме Черчиллю от 3 апреля Рузвельт пишет: «Как там Гео (Маршалл) и Гарри (Гопкинс)? Маршалл объяснит вам, чем заняты мое сердце и мысли. Оба наших народа требуют открытия фронта, чтобы ослабить давление на русских, а наши люди достаточно разумны, чтобы видеть, что на сегодня русские уничтожают больше немцев и немецкой техники, чем вы и я, вместе взятые. В любом случае, это будет иметь большое значение, даже если окончательная цель не будет достигнута».

Не дожидаясь детального анализа операции через Ла-Манш с точки зрения ее военной целесообразности и как только Британия согласилась обсудить проект операции, Рузвельт тут же сообщил об этом Сталину, понимая, какие надежды возлагает маршал на эту операцию. Подобная поспешность объяснялась серьезной причиной. Рузвельт надеялся, что, оказывая помощь советскому правительству в столь жизненно необходимом вопросе, ему удастся обойти вопрос, связанный с советскими границами, который уже поднимался во время визита Идена в декабре прошлого года в Москву и теперь вновь начал активно муссироваться.

Напомним, что Идеи пообещал Сталину, что обсудит с американским правительством и правительствами доминионов требование Советского Союза о признании советских границ. Молотов не дал возможности Идену отложить решение этого вопроса. Едва министр вернулся из Москвы в Лондон, Молотов тут же напомнил ему о данном обещании. Черчилль в это время все еще находился в Соединенных Штатах, на отдыхе во Флориде. 8 января 1942 года премьер-министр написал Идену из Америки:

«Присоединение государств Балтии к России против воли народа будет противоречить всем принципам, за которые мы сражаемся в этой войне, и пойдет вразрез с нашими устремлениями. Это же относится к Бессарабии и Северной Буковине и, в меньшей степени, к Финляндии, которая, я полагаю, не намерена безоговорочно присоединиться к России.

... В любом случае, до проведения мирной конференции и речи не может идти о признании границ. Я знаю, что президент Рузвельт придерживается моей точки зрения и несколько раз выражал согласие с нашей жесткой позицией, выработанной еще в Москве».

Зато не успокаивался Хэлл. Он знал, как сильно может отозваться любое намерение советского правительства на желании русских бороться до конца. В любом случае, он понимал, что по-прежнему необходимо оказывать давление на Черчилля и военный кабинет, невзирая на усилия, идущие из Москвы. Поэтому 4 февраля Хэлл направил президенту еще одно послание, где вновь привел четыре причины, почему он считает все соглашения военного времени,

касающиеся территориальных притязаний, трудновыполнимыми. В отличие от Атлантической хартии, новый курс, взятый Соединенными Штатами, признавал силовую аннексию территорий.

Кроме того, Хэлл разъяснил, что занял твердую позицию в части советских территориальных притязаний. Одним словом, наше желание отложить решение вопроса являлось дипломатическим ходом. Хэлл надеялся, что сможет уговорить Сталина умерить территориальные притязания, убедить его, что решение вопроса лучше отложить на послевоенный мирный период, сделав это с помощью взаимных обязательств в части подавления будущих попыток агрессии.

2 марта, под влиянием Хэлла, президент напрямую обратился к Сталину с просьбой не включать территориальные вопросы в предстоящее соглашение.

Как президент Вильсон во время Первой мировой войны старался уклониться от проблем, связанных с решением территориальных вопросов в соответствии с секретными соглашениями, так и Рузвельт, опасаясь развала коалиции, пытался уйти от этих вопросов. Как недвусмысленно выразился полковник Хауз в апреле 1917 года относительно визита в Вашингтон Артура Бальфора, британского министра иностранных дел: «Я надеюсь, вы согласитесь со мной, – писал он президенту Вильсону, – что сейчас лучше всего избегать обсуждения послевоенного переустройства... Если союзники примутся обсуждать условия, они вскоре возненавидят друг друга сильнее, чем Германию, и сложится ситуация, схожая с ситуацией на Балканах после турецкой войны...»

Поляки придерживались такого же мнения. Так, 9 марта Сикорский предупредил Идена о том, что признание советских притязаний разрушит основы будущей победы, поколебав доверие и надежду «тех стран, которые самоотверженно боролись с Третьим рейхом и его сателлитами», и плохо отзовется на положении нейтралов, включая Турцию.

Сталин ответил только, что ознакомился с точкой зрения Рузвельта, и ничего более. Майский, советский посол в Лондоне, позже объяснил в министерстве иностранных дел, что советское правительство отправило столь сжатый ответ, поскольку его не интересовало мнение американской стороны. Советское правительство настаивало на том, чтобы Британия пренебрегла так называемым «американским вмешательством». Но Британия не могла так поступить. Как понял Хэлл, Британия начала сомневаться, так ли уж разумно упорно отклонять советские требования. Они начали волноваться о том, что может произойти, если они продолжат упорствовать, и размышлять над тем, что можно выиграть, если пойти на уступки. Изменение точки зрения Британии отразилось в послании Черчилля Рузвельту от 7 марта: «Усиливающаяся опасность войны заставляет меня почувствовать, что принципы, заложенные в Атлантическую хартию, не следует рассматривать буквально, как отказ России от тех территорий, которые она оккупировала в преддверии нападения на нее Германии. Ведь это послужило основанием для вступления России в альянс. ...Поэтому я надеюсь, что вы как можно скорее подпишете соглашение, на котором так настаивает Сталин, и развяжете нам руки. Все предвещает серьезное наступление Германии на Россию весной этого года, и это самое меньшее, чем мы можем помочь стране, воюющей с немцами».

А вот мнение премьер-министра относительно Балтийских государств не изменилось. Черчилль пришел к выводу, что ради этого нет смысла подвергать риску Британию, и вот что он пишет, размышляя над этим вопросом: «В смертельной схватке не стоит принимать на себя большую тяжесть, чем та, которая обусловлена необходимостью борьбы».

Опасения Черчилля были, может, и не обоснованы, но вполне понятны. Черчилль прекрасно помнил, что Британия и Франция весьма неохотно предоставили России контроль над Балтийскими государствами, что являлось одним из условий соглашения 1942 года с Советским Союзом, открывшим путь для заключения Пакта Риббентропа-Молотова. Через два дня, 9 марта, премьер-министр сообщил Сталину о том, что ему удалось убедить Рузвельта вклю-

чить в соглашение обязательство по рассмотрению советских границ после окончания войны. Сталин поблагодарил за это сообщение. Черчилль поддержал интерес Сталина, сообщив ему о скором прибытии лорда Бивербрука в Вашингтон с целью сглаживания углов для получения согласия президента.

Сопротивляться просьбе Черчилля насчет уступок, связанных с интересами войны, было довольно трудно, но Рузвельт пока еще не был расположен авансировать Советский Союз. Хэлл тоже был категорически против этого. Судя по некоторым источникам, Комитет начальников штабов тоже являлся противником этой идеи.

Отдельные группировки в Соединенных Штатах были уверены, что из этого не выйдет ничего хорошего. Поэтому президент лихорадочно искал компромиссное решение, которое заключалось бы в том, что финны, литовцы, латыши и эстонцы, не желавшие входить в состав Советского Союза, имели бы право покинуть советские территории. Хэлл отсутствовал по болезни, и на совещание в Галифакс прибыл Уоллес, исполняющий обязанности государственного секретаря. Уоллес решил опробовать предложение президента на русских, но они не захотели включать его в проект соглашения.

Когда 8 апреля Гопкинс и Маршалл прибыли в Лондон для участия в обсуждении проекта вторжения через Ла-Манш, атмосфера внутри коалиции была накалена. В соответствии с инструкцией, Гопкинс первым делом ясно дал понять, что американское правительство пока еще противится официальному признанию территориальных притязаний России. 9 апреля, после переговоров Черчилля с Иденом, Гопкинс сделал следующую запись: «Я разъяснил Идену позицию президента в отношении подписания соглашения с Россией, поскольку было совершенно ясно, что президент не одобряет подобных действий. Я объяснил, что президент, безусловно, не мог препятствовать подписанию договора, и, проанализировав сложившуюся ситуацию, согласился с доводами британской стороны. Я настойчиво убеждал Идена в том, что, по мнению президента, нашей основной задачей здесь (имеется в виду второй фронт) является уменьшение давления, оказываемого на Англию со стороны России».

Отсюда становится понятна поспешность, связанная с визитом Молотова в Вашингтон. Советское правительство должно было соблазниться предоставленной возможностью.

Через два дня, 11 апреля, Рузвельт сделал еще один шаг, который, как он объяснил Черчиллю, требовалось предпринять. Он отправил Сталину послание, в котором, после выражения сожалений по поводу того, что они со Сталиным не смогут встретиться в ближайшее время, сообщалось, что, по его мнению, предлагаемое решение имеет крайне важное значение, давая возможность обменяться мнениями по вопросам военной стратегии. «Я имею в виду, – писал президент, – очень важный военный проект, предполагающий использование нашей военной силы для оказания вам помощи на Западном фронте. Решение этой задачи снимет с меня огромную тяжесть».

В связи с этим он сказал Сталину, чтобы тот, если возможно, в ближайшее время направил в Вашингтон Молотова и генерала, на которого может положиться, поскольку «временной фактор имеет существенное значение в столь важном деле». Президент предложил воспользоваться американским транспортным самолетом для перелета советской делегации в оба конца.

Но Сталин не слишком верил таким расплывчатым обещаниям. Он взял время на обдумывание, стоит ли, а если стоит, то когда, отправить Молотова в Вашингтон, а тем временем продолжал оказывать давление на Британию, чтобы она дала согласие на включение в соглашение требуемых советской стороной условий. Фактически Сталин, как настоящий союзник, тем самым проверял истинность отношения Англии к Советскому Союзу. Британское правительство пыталось найти пути выхода из тупикового положения с помощью соглашения, которое если не удовлетворило, то по крайней мере успокоило бы Германию. Но Сталин не шел на уступки. То ли встревоженный, то ли раздраженный, все еще не принявший приглашение Рузвельта, 23 апреля Сталин заявил Черчиллю, что собирается немедленно отправить Моло-

това в Лондон посмотреть, не сможет ли он, в конце концов, уладить разногласия. Сталин решил, что, после получения приглашения Рузвельта посетить Соединенные Штаты, в котором тот также поднимает вопрос об открытии второго фронта, тем более стоит нанести визит в Англию. Он полагал, что перед отъездом Молотова следует обменяться мнениями с Британией по этому вопросу. Короче, у Сталина были две причины, чтобы Молотов по пути в Вашингтон остановился в Лондоне. Он понимал, что, несмотря на то что американское правительство взяло на себя инициативу в отношении проекта вторжения через Ла-Манш, основной удар в 1942 году придется на Британию и следует добиваться ее согласия. И второе: если Молотову удастся достигнуть договоренности с Британией еще до визита в Вашингтон, американскому правительству будет сложнее настаивать на запрете.

Черчилль, конечно, ответил, что будет весьма рад встретиться с Молотовым в Лондоне. Рузвельт поддержал эту идею.

В соответствии с указаниями Хэлла Винант не стал дожидаться повторного появления Молотова в Лондоне (на обратном пути из Вашингтона в Москву) и убедил министерство иностранных дел не соглашаться на условия России. Что и было сделано. Советское правительство выразило крайнее неудовольствие, и Молотов, которого ждали двумя неделями раньше, появился в Лондоне только 20 мая.

Советский министр иностранных дел на первых переговорах изложил все российские требования, подчеркнув желание сохранить восточную часть Польши, оккупированную в 1939 году, и обозначив притязания на Румынию. Идеи вновь отверг эти требования. Получив от Идена отчет по переговорам, Хэлл, казалось, почувствовал беспокойство. Он представил на рассмотрение президенту послание, в котором говорилось, что, если британское и советское правительства подпишут договор, содержащий территориальные притязания, это нанесет страшный удар по всей антигитлеровской коалиции. Хэлл дал понять, что если они все-таки сделают это, то американскому правительству, по всей видимости, придется публично отказаться от англо-советского соглашения, что приведет к открытым разногласиям. Президент одобрил представленное послание и приказал Хэллу отправить его Винанту для передачи Идену. Что тут же было сделано.

Очевидно, это возымело свое действие, поскольку уже на следующей встрече с Молотовым Идену удалось найти компромиссное решение. Идеи прямо заявил, что им следует отложить соглашения по территориальным притязаниям и просто подписать обычный официальный договор альянса, без ссылок на границы, сроком на двадцать лет. Во время этой встречи Молотов впервые обозначил готовность пойти на уступки.

Кто же знает, почему Молотов в конце концов отказался от территориальных требований? По всей видимости, на него произвела впечатление англо-американская солидарность, а кроме того, имели место и другие причины. В течение двух дней немцы прорвали оборону Восточного Крыма и блокировали контрнаступление русских в Восточной Украине. Молотов, обсуждая с Черчиллем возможные пути отвода сорока немецких дивизий с Восточного фронта, спросил, какую позицию займет Британия в случае, если советская армия не сможет продержаться в течение 1942 года. Короче, русские, после столь неблагоприятного поворота событий на Восточном фронте, с еще большим нетерпением требовали открытия второго фронта в 1942 году. Они, вероятно, понимали, что только упорство и настойчивость смогут явиться гарантией послевоенных территориальных притязаний.

Вечером 24 мая Винант встретился с Молотовым. После обсуждения программы помощи русским, которую имело в виду американское правительство, и вопроса, касающегося открытия второго фронта, Винант особо подчеркнул, сколь большое значение Рузвельт и Хэлл в данный момент придают рассмотрению проблем, связанных с фронтами. Молотов внимательно слушал. Уже в марте Сталин дал понять, что расценивает попытку президента повлиять на исход переговоров с Британией как неоправданное вмешательство. Теперь Молотов объяснил

Винанту, что следует обратить серьезное внимание на точку зрения президента. Он сказал, что обдумает предложения Идена и, возможно, отложит решение по ним до встречи с президентом.

Советское правительство, по всей видимости, решило, что ожидание не принесет никакой пользы, а безотлагательное соглашение может стать причиной того, что западные союзники окажут поддержку Красной армии. Поэтому 26 мая было подписано соглашение, в котором ничего не говорилось об условиях относительно территориальных притязаний. Черчилль полагал, что удалось избежать серьезной опасности, которая могла повлечь за собой развал коалиции. 27 мая он сообщил Рузвельту: «...мы полностью изменили условия соглашения. На мой взгляд, они (русские) теперь поддерживают нашу позицию и всецело поддерживают Атлантическую хартию. Сегодня днем соглашение было подписано при полном единодушии обеих сторон».

Сталин, казалось, был полностью удовлетворен. По словам Черчилля, он «разве что не мурлыкал».

Послание Сталина в адрес премьер-министра, безусловно, свидетельствовало о высокой признательности в адрес заслуживающего доверия союзника, оказавшего поддержку Советскому Союзу в критический момент: «Я уверен, что это соглашение будет иметь огромное значение для укрепления будущих дружеских отношений между Советским Союзом и Великобританией, а также между нашими двумя странами и Соединенными Штатами Америки и защитит наши страны от коллаборационизма после победного окончания войны».

Хэлл заявил, что мир спасен, а это было наилучшим исходом. Рузвельт был доволен, что и продемонстрировал Молотову, когда спустя четыре дня советский министр прибыл в Вашингтон. Поскольку соглашение учитывало пожелания американской стороны, Молотов имел серьезные основания рассчитывать на сердечный прием и благосклонное отношение к стремлению России увидеть западную линию фронта.

Окончательное присоединение Советского Союза: второй фронт и советские фронты

27 мая, когда Молотов вылетел из Лондона в Вашингтон, Рузвельт сообщил Черчиллю, что ему было приятно узнать об отношении к проекту высадки через Ла-Манш. Черчилль переслал Рузвельту копию памятной записки, которую он составил после проведения официальных переговоров с Молотовым утром 22 мая. Во время переговоров премьер-министр изложил планы подготовки операции, находящейся в стадии разработки у американцев и англичан, без указания конкретных сроков окончания этой работы. Затем он подчеркнул два момента, которые, по его мнению, Молотову следовало учитывать. Во-первых, при всем желании, представляется маловероятным, что удастся оттянуть многочисленную вражескую армию в 1942 году с Восточного фронта. А во-вторых, западным союзникам уже противостоят сорок четыре немецкие дивизии на других театрах войны. Однако, закончил Черчилль, русские не были удовлетворены; если бы имелась возможность разработать какой-нибудь другой разумный план, то они бы, не колеблясь, воспользовались ею. Кроме того, премьер-министр дал знать президенту, что он приступил к обсуждению и других военных вопросов, таких, как высадка на севере Норвегии, северные конвои в Советский Союз и вероятное расширение ливийской кампании.

Молотов покинул Лондон, теряясь в догадках, что бы значила эта беседа, и решил задать президенту прямой вопрос. Так, во время обеда 29 мая Молотов поинтересовался у Рузвельта, будут ли американцы и британцы в скором времени открывать новый фронт, который сможет оттянуть на себя порядка сорока дивизий с Восточного фронта. Если они не сделают этого, предупредил Молотов, то, скорее всего, Советский Союз не сможет больше сопротивляться. А если Гитлер решит использовать всю имеющуюся в его распоряжении силу для нанесения удара, то вполне сможет прорвать оборонительные рубежи. Лишившись Москвы и Ростова,

русские будут вынуждены отступить к Волге, оставив немцам всю Центральную Россию, и лишатся продовольствия и сырья с Украины, а возможно, и кавказской нефти. Если это произойдет, весь удар обрушится на Великобританию и Соединенные Штаты, и, когда они попытаются наконец открыть второй фронт, немцы мощно ударят по ним с запада. Поэтому Молотов попытался убедить президента, что в интересах Соединенных Штатов – пока Советский Союз еще удерживает оборонительные линии, а советская армия еще достаточно сильна – сделать все возможное, чтобы с помощью сокрушительной атаки оттеснить врага с русского фронта. Молотов считал, что тридцати американско-британских сухопутных и пяти бронетанковых дивизий будет вполне достаточно для высадки во Франции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.